

Валентин Вайс

СКАЗАНИЕ
О ПРОКЛЯТОЙ
ОБИТЕЛИ

Валентин Вайс

Сказание о Проклятой Обители

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20975880

ISBN 9785448311840

Аннотация

Стремление к свободе порой сильнее долга и любви. Маленький городок замер в ужасе перед проснувшимся на болотах Злом. Серия страшных убийств потрясла местных жителей и заставила подозревать друг друга. Волею судьбы сюда приходит проклятая отцом изгнанница. Несчастная просто пытается выжить в жестоком средневековом мире, но именно ей придется вступить в схватку с Дочерями Тьмы, разоблачить убийцу-вампира и сделать непростой выбор между любовью и свободой накануне Великой Битвы.

Содержание

Глава I	5
Из записок Аделины Отшельницы	30
Глава II	31
Из записок Аделины Отшельницы	56
Глава III	57
Из записок Аделины Отшельницы	77
Глава IV	78
Из записок Аделины Отшельницы	118
Глава V	120
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Сказание о Проклятой Обители Валентин Вайс

«Её повсюду преследовала смерть. Жестокая и неумолимая, она являлась этой странной женщине в самых невероятных облициях, но ни разу не застала врасплох».

Рауд Бронгардский

«Жития Аделины Отшельницы»

© Валентин Вайс, 2016

ISBN 978-5-4483-1184-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Дары и проклятья

Девуцу Йодис съел тролль.

Так решили в усадьбе. Некоторые остряки, пряча улыбки, шептались, что бедняга должен был отравиться в тот же час.

Судьба неразборчивого в еде чудища так и осталась неведомой. Одно не вызывает сомнений – случай этот навсегда определил русло грешной жизни племянницы съеденной Йодис, Неуклюжей Астейн.

А теперь обо всем по порядку.

В год 965 от воплощения Девы-Матери на хуторе Медвежья Падь, что принадлежал достославному купцу и воину Ингвальду Большая Нога, произошло два важных события.

Первое оказалось свойства печального и случилось весной, Тогда златовласая да белоликая девушка Йодис, младшая сестра Ингвальда, отправилась по какой-то ей одной ведомой нужде к Дальним холмам. Место это славу имело дурную: старики поговаривали, будто живут там не то тролли, не то колдуны-чернокнижники. Девуцу стариковские рассказы не пугали: отличалась она безрассудством, упрямством и самоуверенностью.

За что и поплатилась.

Искали ее всей усадьбой не меньше недели, да без тол-

ку. После пополз слух – заманил хозяйскую дочь подгорный тролль невиданными сокровищами. Объяснение правдоподобное, ибо не только местные жители, но и заезжие торговцы знали о неумеренной любви гордой северянки к блестящим побрякушкам.

Бабушка Хервёр, мать Ингвальда—купца и красавицы Йодис, обводя колючим, что сосновая игла, взором Дальние холмы, по словам хуторян, бросила тогда сквозь зубы: «Все к тому и шло». Никто так и не понял, что старуха имела в виду. Та же, ничего к сказанному более не добавив, подняла вязанку хвороста, и отправилась колдовать у очага. Хервёр Сказительница не была черствой или бессердечной, просто у женщин северных краёв нет времени на долгую скорбь.

Позже Хервёр после кружки медовухи говаривала, будто вовсе и не съел тролль красавицу дочь, а совсем наоборот – взял в жены. И теперь, вся в шелках и золоте, королевой ходит Йодис по подгорным чертогам. Те же, кто выражал сомнение в этих словах, сильно рисковали получить опустевшей кружкой по многодумному лбу.

Спустя девять месяцев случилось и второе событие, только уже свойства радостного: успешно разрешилась от бремени супруга Ингвальда – Гуда Прекрасноволосая. Роды проходили тяжело, будто и не помогали духи предков молодой хозяйке. Многие тогда думали – быть вдовцом хозяину Медвежьей Пади. Голова у ребенка оказалась велика, что посчитали признаком большого ума. На счет ума пришлось в по-

следствии не раз усомниться, но вот про большую голову, причинившую матери столько страданий, девочке поминали многократно.

Одна сумасшедшая старуха, – не то чья-то дальняя родственница, не то приживалка, коих всегда водилось на хуторе превеликое множество, – сказала, что ровно в час, когда девочка была зачата, подгорный тролль сожрал Йодис, а душа ее по случаю младенцу досталась. Болтливой старухе добрые люди советовали помалкивать, но та оказалась то ли упряма, то ли глупа до чрезвычайности, а потому продолжала языком чесать. Хервёр Сказительница прослышав о гнусных речах, болтуху по всей усадьбе гоняла. «Клеветница» юркая оказалась, схоронилась в амбаре, где чуть и не околела – ночи уже холодные тогда наступили.

Унаследовав строптивый нрав Йодис, красоты ее, увы, Астейн, – так называли ребенка, – оказалась лишена. Кто же в здравом уме станет возлагать надежды на вздорную дурнушку?

По этим ли, или по каким иным причинам, но ребенок рос в родительском небрежении, и детство провел решительно ничем не примечательное. Белокурый миловидный Хельми, старший отпрыск, всегда получал больше внимания и ласки. С ним связывались семейные чаяния, на него обращались исполненные гордости родительские взоры. Неловкая, некрасивая и молчаливая, Астейн даже не пыталась вступать в борьбу за материнскую и отцовскую любовь. Гуда Прекрас-

новолосая, плечи которой с годами ссутулились под тяжестью усадебного хозяйства, глядя на не в меру мечтательную девочку, все чаще хмурилась и сжимала губы, ибо не лелеяла надежд обрести в ее лице достойную помощницу. Что до редко появлявшегося в усадьбе отца, то Астейн, в лучшем случае, забавляла его медвежьей неуклюжестью. Только старая добрая бабушка Хервёр не делала между внуками разницы, поровну даря им свою любовь.

В лесу или ближней Светлой роще девочке оказывалось куда как лучше, чем на хуторе. Незримая Хозяйка Леса часто давала приют одинокой мечтательнице, охраняя детский сон. Там, на лесной опушке, среди сосен—великанов, на берегу священного ручья, окутанная сладкими ароматами чащобы, Астейн обретала саму себя. Влажный мох нередко становился ей постелью, а пение птиц – колыбельной. И не было страха ни перед дикими зверями, ни перед иными лесными жителями. Иногда девочке казалось, что деревья разговаривают с ней. Самым уголком глаз удавалось порой уловить едва заметное движение морщинистых губ, а обернется – кора и кора.

Бабушка Хервёр, а лишь с ней одной изредка разделяла Астейн радости долгих лесных прогулок, всегда говорила, что Хозяйка Леса наделила внучку тремя чудесными дарами.

Первый дар – разговаривать с лесом, распознавать его голоса. Потому и не страшно ей в сердце чащобы ни светлым

днем, ни непроглядной ночью.

Второй дар – слышать и подмечать то, что сокрыто от всех прочих. Здесь, правда, подвох крылся: слишком поздно девочка поняла – не все стоит подмечать. А если уж заметила, то лучше молчи. Мало кто глазастым рад.

А третий дар, самый чудесный, – видеть места, где танцевали светлые эльфы. Бывало, прибежала она рано утром к ручью, а там, на берегу – ровный круг примятой травы. Словно кто ходил здесь ночью или присел отдохнуть, да и заснул под серебряное пение прозрачной воды. Да вот только уж очень ровными те круги оказывались. А над ними – изумрудно-серебристые искорки-пылинки кружились в неспешном хороводе, оседали на землю и таяли. Показывала Хельми, за руку его приводила, но он ничего такого разглядеть не мог, хоть и всматривался в сочную траву до боли в глазах. И мама не видела, полагая дочь выдумщицей, а уж отца девочка так и вовсе спросить боялась. И только бабушка Хервёр объяснила, посоветовав никому о том более не рассказывать, что такие круги примятой травы – это место ночной пляски светлых эльфов. А Хозяйка Леса позволяет их различать только тем из людей, кого сильно полюбит.

Бабушка Хервёр даже не подозревала, что именно этот дар станет для внучки хуже любого проклятья.

Зачарованная словами Хервёр Сказительницы, прибежала она к ручью и по долгу любовалась игрой ясно-жемчужной воды. Девочка представляла, будто стоит у самого источника

Прозрения, что берет начало в тайном королевстве светлых эльфов.

* * *

Долго Астейн присматривалась к танцующим пылинкам над примятой травой, боясь подойти, но вот однажды решилась. Приключилось то в самой середине лета, ранним утром, когда не стояла еще хрустальная роса, а роща хранила сонную ночную прохладу. Собрав волю в кулак, девочка зажмурилась и шагнула в круг, в самую гущу серебряного хоровода. Затаила дыхание, сжалась и даже присела, а по спине холодок пробежал. Долго боялась открыть глаза, но ничего не происходило. Она ведь и сама не знала, чего ждать. Только в самых дальних тайниках души слабо мерцала надежда на что-то невероятное и всенепременно чудесное.

Глубоко вздохнув, дочь Ингвальда мысленно подготовилась к разочарованию, после чего распахнула глаза и огляделась. И не закричала лишь оттого, что горло в тот же миг светло судорогой. Не было более ни священного ручья, ни Светлой рощи. Вокруг плотной стеной вздымался лес. Не тот, обычный, с длиннющими тощими соснами и неуклюже-разлапистыми елями, что рос в двух шагах от Медвежьей Падди, но и не тот, о котором рассказывала бабушка Хервёр – дикий и болотистый, где завывали чумные волки и хозяйничала владычица Обратного Мира. На неё взирал лес воистину волшебный, мерцающий медленно парящими колдовскими огоньками и благоухающий цветами невиданной кра-

соты. И не нужно было приглядываться, чтобы увидеть исполненные удивления и недоумения лики кряжистых дубов и толстоствольных сосен. Они хмурились, возмущенно шевелили ветвями и громко переговаривались, глядя на незваную гостью.

Астейн вышла из неспешного хоровода искр-пылинок и тут же споткнулась на ровном месте. Кляня собственную неуклюжесть, она совладала с дрожью. Зачарованная невиданной красотой, девочка протянула руку к бархатным огнисто-пурпурным мясистым лепесткам ближайшего цветка, как вдруг была остановлена возмущенным криком:

– А ты что здесь делаешь, человеческое дитя?! – К испуганной Астейн стремительно приближался сухопарый старик весьма благородного вида в шелковых одеждах, с изукрашенным причудливой резьбой посохом. Борода, заплетенная в толстую косу и обвязанная блестящей золотой ленточкой, упруго подпрыгивала в такт шагам. Кустистые брови незнакомца сошлись к переносице, холодные синие глаза метали ледяные молнии, а высокие скулы горели алым румянцем. Тонкие пальцы пребольно впились Астейн в плечо, и в самое ухо ворвалось грозное карканье: – не смей рвать цветы, глупая девочка! Как ты сюда вообще попала?

В голове Астейн роилось множество вопросов. Например, «Куда, это сюда?» или «Что это за место такое?». Вот только от липкого страха ни один из них не шел на язык. Она бесильно оглянулась на примятую траву и серебряные пылин-

ки. Старик проследил за взглядом девочки.

Оба вскрикнули одновременно. Румянец мгновенно померк на лице загадочного жителя удивительного леса – стало оно белым и странным образом вытянулось. Вот только Астейн дела не было до переживаний старца: глаза девочки расширились от ужаса при виде того, как стремительно меркнет и тает хоровод пылинок.

– Ты видишь? – Старик принялся трясти ее, впиваясь ногтями все сильнее. – Ты можешь их различать? Кто ты? Откуда пришла? Говори!!

Да какое там «говори»! Не до разговоров ей было: все в душе кричало – надо спешить! Едва померкнут пылинки, исчезнет проход в ее привычный мир и останется она с этим невыносимым стариком на радость глазастому лесу! Астейн и сама не знала, откуда ей это известно, но была в том абсолютно уверена.

Она извернулась юркой ящеркой и изо всех сил саданула назойливого бородача острым коленом в одно тайное место: Астейн уже давно уразумела, – старший брат-то для чего дан? – что действует этот удар безотказно. Старик глухо охнул, согнулся и отпустил истерзанное плечо. В тот же миг девочка одним прыжком влетела в центр примятой травы. Налитые кровью глаза седовласого крикуна наполнились невыразимым удивлением и... страхом.

Искристый вихрь закрутил ее, скрыв бормочущие деревья, порхающие огоньки и чудные цветы. Когда же кружение

остановилось – не было более ни полянки, ни старика. Лишь привычная Светлая оца да любимый священный ручей.

Казалось бы этот случай навсегда должен был отворотить Астейн от леса, а нет – остались они добрыми друзьями. О загадочном происшествии девочка никому не сказала ни слова. А почему – и сама не знала.

* * *

Когда ей шел восьмой год, а брату уже исполнилось одиннадцать, отец взял его с собой в Норхейм. По возвращении Хельми захлеб рассказывал об этом шумном торговом городе, о грозном море и стремительных кораблях с драконьими носами да чешуйчатыми боками. А еще он сказал, будто бы дом ему не нужен, ибо, когда вырастет, обязательно станет одним из Морских властителей, что ни одной ночи не проводят под крышей дома, а бороздят моря и ведут за собой лучших воинов на поиски приключений. Глаза брата возбужденно блестели, а щеки огненно пламенели.

Полдня Астейн терпеливо слушала излияния Хельми, а потом волна темная и липкая поднялась из неизведанных глубин детской души. Желудок противно сжался, кровь прилила к лицу. Уперев кулачки в бока, она презрительно скривилась и заявила, что мальчик, столь похожий на белую мышь, Морским властителем никогда стать не сможет.

Голубые глаза Хельми сделались холодными точно острый лед, и по-взрослому гневно сверкнули. Сжав губы в тонкую нить, уподобившись тем самым матери, он толкнул сестру.

Не так чтобы сильно, но она все же упала, – споткнулась, как водится, о крохотную кочку в земляном полу.

Отец поднялся с лавки, где мирно жевал сушеную рыбу-змею, и отвесил сыну подзатыльник. Матушка, занятая густым ароматным варевом, в тот миг смолчала, но сильно нахмурилась: Гуда Прекрасноволосая не любила, когда Ингвальд поднимал руку на детей.

Не глядя на супругу, отец ушел во двор и позвал Хельми с собой. Едва они скрылись за порогом, мать пристально посмотрела на дочь и спросила, помнит ли та про тетюшку Йодис, украденную троллем.

Да как же можно позабыть про главную легенду семьи? Потому Гуда не стала дожидаться ответа, а сразу перешла к следующему вопросу:

– А знаешь ли ты, милая доченька, отчего это случилось?

Когда Гуда Прекрасноволосая начинала говорить столь ласково, Астейн всегда напрягалась: не слишком богатый жизненный опыт подсказывал – жди беды. А тут еще Хервёр Сказительница, до сего момента тихонько сидевшая в теплом углу, отложила рукоделье и подозрительно глянула на невестку.

– Бабушка Хервёр говорила, будто тетя была очень красива, вот тролль ее и полюбил, – осторожно отвечала девочка, понимая, что ступает по тонкому льду.

– Бабушка Хервёр не все помнит. – Мама продолжала ласково улыбаться, но бросила на свекровь быстрый едкий

взгляд.

– И в каком месте старуху память подвела? – вскинулась бабушка.

– А причина, по которой тролль утащил к себе мою золовку и твою тетушку Йодис, – продолжала родительница, словно не услышав звон металла в голосе свекрови, – заключается вовсе не в ее красоте, а в чрезмерно остром языке. С тем троллем была она на язык не сдержанна, вот он осерчал, да и съел ее. Вспомни об этом, когда захочешь в следующий раз дразнить брата.

– Вот ведь дура! – донеслось из темного угла.

Астейн так и не поняла, сказала ли это бабушка на самом деле или ей только послышалось.

Вначале девочка на мать обиделась. Ведь та ясно дала понять, что не одобряет ее поведение. Она снова встала на сторону Хельми. Убежав, как всегда делала в таких случаях, в Светлую рощу, Астейн попыталась заплакать, вызвав в памяти все нанесенные родичами обиды, но слезы не шли. Этот факт привел ее в полное замешательство. Вместо слез вдруг пришло понимание: Гуда Прекрасноволосая совет дала мудрый, да вот только язык, как порой уже тогда казалось, жил своей загадочной жизнью, а потому сможет ли она этим советом воспользоваться – большой вопрос.

Важным был и другой вывод, сделанный девочкой в тот день: слово порой бьет сильнее, чем клинок, и раз уж не получается держать это оружие в ножнах, то надо научиться

ловко им пользоваться.

Куда же делась тетка Йодис, так и осталось тогда загадкой, как и то, были ли повинны в ее исчезновении тролли или какие-либо иные чудесные создания. К Дальним холмам дети бегали много раз, но никаких следов тролля не обнаружили. Это вовсе не означало, что чудища там нет – они просто плохо искали.

* * *

Хервёр проводила с внучкой времени куда больше, чем все остальные. Именно она открывала потаенные уголки удивительных миров, связанных воедино волосами Хозяйки Леса. Бабушка впускала в ее жизнь хитрых цвергов, жадных троллей, мудрых колдунов, светлых, лесных и горных эльфов и, даже, мрачных порождений Обратного Мира. Повела она о трех могучих сыновьях Хозяйки Леса – Великом Воине, что охранял покой людей и эльфов; Волногонителе, что вел корабли и гнал богатство к берегам нордеров; и мудром Учителе, что обучил людей и эльфов всему, что те умели. Она рассказала о том, откуда всё произошло, о великой пустыне и многоглавом Змее, смерть которого дала жизнь миру, и о таинственных обитателях Туманных Долин. А еще – о страшной Хозяйке Обратного Мира – Деве Отражений. Мудрые бабушкины истории заменяли книги и готовили к будущему.

В дни, когда снежные великаны спускались с отрогов Белого Хребта и вторгались в земли северных нордеров, во-

круг усадьбы образовывались непролазные сугробы. За стенами принималась тоскливо стонать вьюга. Отложив до теплых времен походы в лес и на речку, Астейн и Хельми садились поближе к круглому очагу, и бабушка рассказывала одну волшебную историю за другой, будто вплетая полевые цветы в чудесный венок. Знатной была рассказчицей мать Ингвальда-купца.

Однажды бабушка поведала странную легенду, не похожую на обычные ее рассказы, которую сама услышала от заморского купца в славном Норхейме.

Легенда та гласит, будто в стародавние времена в одном многоязыком торговом городе где-то в жарких краях жила красивая женщина. Муж у нее был уважаемым в тех местах купцом, а дом – одним из самых богатых домов в том городе. Все дали им боги, но только женщина об одном печалилась – не было у них детей. Ходила она в храмы, приносила богатые дары, но боги отчего-то молчали в ответ на ее просьбы. Тогда очерствело ее сердце, перестала она им молиться, и отправилась к древней ведьме, что жила далеко за городом, на болотах. В народе они прозывались Лягушечьей Топью.

Ведьма сразу все поняла, едва взглянув на женщину. И спросила старуха: «Милая, боги дали тебе красоту, доброго мужа и богатый дом – можно ли просить о большем? У многих ведь и половины нет из того, что есть у тебя».

На что женщина отвечала: «Нет мне счастья и покоя, пока не обзаведусь ребенком». «Что ж, – пожала плечами ведь-

ма, – твое решение. Только сама я тебе помочь в том не смогу, но скажу одно заклятие. Пойдешь в новолунье к Проклятым Курганам, там его и произнесешь семь раз – явится тебе тот, кто поможет. Но прежде, подумай еще».

Женщина уже все решила и думать больше не стала. Отправилась в новолунье к Проклятым Курганам, пропела— проговорила семь раз ведьмино заклятье. Задрожала в тот час земля, растворился один курган, и явился к ней демон огненный, демон страшный. И сказало ей чудище: «Знаю, женщина, про беду твою. Только разве ж это беда? Дали тебе боги красоту, мужа знатного да дом богатый. Мало этого? Может, лучше ума у них попросишь?». Женщина гордо вскинула голову и отвечала демону гневливо: «Не говорила мне ведьма, что придется слушать речи обидные. Скажи, станешь помогать, или идти в другом месте помощи искать?». «Отчего же не помочь, – ухмыльнулся демон, – коли сама так решила. Да и не сыщется в этой земле других таких мест. Как возвратишься в дом – уедет твой муж торговать в дальние страны. Проводишь его – дважды по семь и еще три дня выходи встречать рассвет на Большой Тракт, там и явится тот, кто даст то, о чем просишь», – сказал и растворился в ночном сумраке, словно и не было его.

Женщина пожала плечами в великом раздражении, но сделала все, как велел демон: мужа проводила, начала рассветы на Большом Тракте встречать. На семнадцатый день на восходе солнца увидела юного воина, что едва дер-

жался в седле. Он поравнялся с женщиной и спросил, не знает ли она дома, где можно найти ночлег. Вот только нет у него ни денег, ни сил ехать дальше. Встретились их взгляды, и в тот же миг женщина поняла – это именно тот, кого ждала она, о ком демон ей вещал.

Привела к себе в дом, накормила, напоила, уложила спать. В полночь же сама к нему явилась. В плотном мраке комнаты, напоенном дурманящими ароматами ночных цветов, сверкнули глаза юноши, и показалось ей, что смотрит на нее тот самый демон. Смотрит и ухмыляется. Но ничто не могло остановить женщину. Отмела все непрошенные мысли, легла в постель к воину, растворилась в его крепких объятиях.

Провел он у нее три ночи и два дня, что не укрылось от любопытных соседских глаз. Утром третьего дня проснулась – юноши уже и нет. Не особенно опечалилась она: ведь не ради плотских утех все затевалось. Знала женщина – есть теперь в ней новая жизнь.

Возвратившемуся купцу соседи не замедлили сообщить о похождениях его женушки. Разгневался купец, выгнал ее, но не без денег, ибо все же любил. Купила женщина маленький домик на самой окраине города.

Вскоре родилась у нее дочь. Девочка росла быстро, превращаясь в писаную красавицу. Не знал город красивее девушки. Вот только была она горда и злоблива, все попрекала мать бедностью, крохотным домиком да убогой жизнью. Добрые люди рассказали ей о том, как явилась она на свет,

поведали про молодца с Большого Тракта. Еще больше осерчала девушка на мать. Бедная женщина беспрестанно просила прощения у дочери, хотя и не понимала за что.

Прослышала гордячка и про ведьму с Лягушачьей Топи. Отправилась к ней, дабы узнать, нет ли какого средства, чтобы обрести богатство. Старуха посмеялась, но дала заклятье, что нужно произнести семь раз на Проклятых Курганах.

Девушка отправилась туда, сделала все как велено, и явился ей демон. Тот это был демон, что являлся ее матери или нет, никто не знает. Сказало чудище – придет к ней богатство, достойное ее красоты, только если станет она служить ему. Но не будет у нее дома. Девушка не поняла, как это может такое быть – богатство без дома? Решила, что демон слишком много столетий в кургане провел и от старости слегка умом тронулся. Заведутся у нее деньги, будет и дом. Согласилась на предложение. Но готова ли она принести демону достойную жертву? Девушка отшатнулась: «Неужто ты хочешь, чтобы я собственноручно пролила чью-то кровь?». «А если тебе не придется самой проливать чью-то кровь, то согласна на жертву?». Девушка подумала и снова согласилась. Тогда демон сказал: «Иди домой. Все само к тебе придет».

Не прошло и трех дней после той встречи, как проснулись обитатели бедного квартала, где жила мать с дочерью, от криков да огненных всполохов. Выбежали на улицу – горит маленький дом. В том пожаре погибла старая женщина,

а девушка успела каким—то чудом выскочить. Не оказалось на ее теле ни ожога, ни царапины.

Приютили бедняжку богатые люди, что знавали ее мать в лучшие времена. Одарили погорелицу подарками, одели, накормили. Отнеслись к ней как к дочери. Вскоре соседи заметили, что старший сын этих добрых людей не сводит глаз с девушки. А тут зоркие кумушки принялись нашептывать хозяйке дома, что и ее благоверный не равнодушен к юным прелестям названной дочери. Вскоре всех потрясла страшная новость: старший сын убил отца, а виной тому та самая девица. Прокляли горожане девушку, едва успела она унести ноги из города.

Легенда гласит, что с тех пор бродит по дорогам прекрасная девица, заходит в разные города, за красоту принимают ее во многих богатых домах. Кому-то становится она сестрой, кому женой, кому названной дочерью, а кому подругой. Везде получает все, что пожелает – золото, шелка, камни драгоценные. Но только платит за все смертью. Куда ни придет – вскоре сын убивает отца, или отец сына, или брат брата, или сестра сестру. Бывает, становится любовницей богатого горожанина, обзаводится домом, но не проходит и полугода, как языки пламени сжирают его под улюлюканье толпы. Проклятая, она покидает город и продолжает свой вечный путь. Так служит она темному хозяину, пополняя армию со-вращенных душ, собственноручно не пролив ни капли крови. Много дорог прошла, много имен сменила. Не приходит

к ней старость, не меркнет красота.

Так и по сей день ходит по дорогам прекрасная девушка, что опасней бубонной чумы. Прозвали ее люди Вечная Страница.

Завершив рассказ, Хервёр внимательно посмотрела на внучку.

– Но как же дом? – Встрепенулся, дослушав историю, Хельми. – Ведь дома, значит, у нее были, хоть и не долго!

– Дом, Хельми, это не только четыре стены, – молвила бабушка и отправилась спать. Вдруг обернулась на пороге, и едва слышно добавила: – на дальнем юге видала я такие дома, где ни стен, ни крыши от начала мира не бывало. Только вот люди там все равно сор метут.

Астейн едва исполнилось двенадцать, когда Хервёр Сказительница поведала эту историю, а через восемь лет отец проклял ее и изгнал из усадьбы.

* * *

Хоть и жили они на самой окраине мира, – далее лишь Белый Хребет да холод Ледяного Дола, – но все же заглядывали в усадьбу и хитрые, под стать Ингвальду, купцы из Благословенного королевства, и цверги, что любили золото более любого тролля. Если первые заплывали в теплые времена на просмоленных черных кораблях, то вот последние проходили тайными тропами со стороны Белого Хребта. Когда Астейн первый раз увидела маленьких людей с большими мясистыми носами, чьи бороды были заплетены в такое

множество косичек, что никакому счету не поддавались, то лишилась дара речи на пол дня. А это ей уже тогда было не свойственно. Гуда даже решила, что дочь захворала. Зато уж как речь вернулась, цверги пожалели о своем визите: вопросы полились из неугомонной девочки, что дождь в сезон урожая.

Приходили к северным нордерам и велеречивые жрецы – все из того же Благословенного королевства – самого что ни на есть сурового вида. Они видели в местных не то малых детей, не то грубых варваров, и считали своим долгом рассказать об истинной вере: о благом Предвечном Свете и Великих Битвах, что случаются раз в тысячу лет, о воплощении Девы-Матери и о страшных Дочерях Тьмы. Они читали священную книгу, – Золотые Речения, – и изо всех сил старались обратить хуторян в эту странную веру. От одного из таких миссионеров слышали дети впервые про город Бронгард, на который Великий Патриарх, Владыка Тайных Дел, возлагал особые надежды в деле обращения «диких нордеров» в истинную веру.

Ингвальд всегда их радушно принимал, накрывал столы, позволял оставаться на любой срок и вступать в долгие беседы с хуторянами. Причина такого радушия проста – он много торговал с Верхними землями, и добрая слава, разносимая слугами Предвечного Света, возвращалась звонкой монетой.

Более того, приезжая в города Благословенного королевства, Ингвальд-купец неоднократно эту веру принимал.

Жрецы одевали ему цепочку с Оком Дракона, а местные торговцы, обливаясь слезами умиления, делали новообращенному в такие дни немислимые скидки. По возвращении домой, он смеялся над глупостью жителей Верхних земель, складывая очередную цепочку в янтарную шкатулку.

Эту шкатулочку, резную, окованную позолоченным серебром, любила Астейн безмерно. В темном углу амбара или на берегу ручья, убежав от всех, доставала цепочки одну за другой, и, любуясь, раскладывала подле себя. Око Дракона из столичного Ансгахалла, из приграничного Грейвена, из далекого Чистого Дола и загадочного Эйнара – это словно карта отцовских странствий, только в серебре и золоте.

Иногда же забредали в усадьбу существа весьма странные, если не сказать больше. И о тех краях, из которых они приходили, знать отчего-то совсем не хотелось. Такие встречи заставляли вспомнить Обратный Мир или, как его называли жители Благословенного королевства – Лабиринт Предвечной Тьмы. Двери тогда закрывали на тяжелые засовы. Ингвальд спешил снять со стены меч, а Гуда сворачивала шею самой невезучей курице и капала кровью на шипящие камни очага во славу Хозяйки Леса и ее сыновей.

* * *

Однажды, в самом начале сезона урожая, вновь гонимая горькой обидой, не чуя под собой ног, Астейн примчалась через заливной луг в Светлую рощу, к Серебряному ручью. Обида пустяковая была, но уж слишком часто ее поступ-

ки рождали родительские гнев и раздражение. И не всегда бабушка Хервёр оказывается рядом, чтобы заступиться за внучку, прикрыть ее заботливым крылом от несправедливых упреков. Вот и в тот раз никто не заступился. Теснилась грудь неисчислимыми горестями, обжигали щеки горячие слезы.

Заветный ручей искрился в мягком свете полуденного солнца. Холодная живительная вода привычно смыла соленую влагу с пылающего лица, растворила душевную боль, унесла ядовитый гнев.

Увы, целительное одиночество оказалось нарушено: совсем рядом, так что можно дотянуться, на плоском валу не примостилась худенькая девочка. Громкие всхлипывания и тяжкие думы усыпили бдительность, ослепили и оглушили, вот Астейн и не заметила ее. Острые лопаточки, – два колышка, – топорщили ветхий лён рубахи. Ручки-прутики тянулись к воде, но, едва коснувшись, сразу отдергивались, словно и не вода это вовсе, но жалящий огонь. Лица не разглядеть – низко опущена голова, соломенные волосы тонким покрывалом скрыли его.

– Почему плачешь? – первой нарушила неловкое молчание незнакомка, не поднимая головы.

– Не знаю. – Астейн пожала плечами и ответила так, как всегда отвечала чужакам и неожиданным гостям.

Это ее ручей и никому другому здесь места нет. Даже с Хельми старалась сюда не ходить без особой надобности.

Но потом словно что-то заставило устыдиться излишней резкости ответа, и с языка сорвалось:

– На брата обиделась.

Незнакомка кивнула едва заметно, и продолжила смотреть на воду.

– Откуда ты здесь? – наконец задала Астейн один из многих вопросов, что пчелиным роем жужжали в голове.

– А у меня нет брата, – прошелестела девочка, будто и не услышала. – Это хорошо, когда есть брат?

– Не слишком. – Дочь Ингвальда растерялась, но ответила честно, позабыв в тот же миг про все вопросы.

Незванная гостья вновь кивнула. Потом резко встала, так что кости хрустнули, быстро повернулась к лесу и решительно молвила:

– Пойдем со мной.

– Куда?

– С моим батюшкой на лодке кататься. Ты любишь речные лилии? Он нарвет их нам.

– Они быстро вянут. – Ноги пришли в движение не спросясь разума, и Астейн отправилась следом.

– Эти волшебные – долго простоят. А, может, и вовсе не завянут.

Тугим парусом надувался белый лен рубахи. Черными горошинами скакали впереди грязные пятки. Стремительно мчалась тонкая девочка-тростинка, словно ветер нес ее. Едва поспевала Астейн за незнакомкой.

Мелькала белым мотыльком хрупкая фигурка, перепрыгивая-перелетая с узловатого корня на древний валун, а с валуна на черничную кочку. Астейн спотыкалась, но бежала за ней, будто прикованная незримой цепью.

Земля стала упругой, топкой. Каждый шаг – что влажный поцелуй в горячую стопу.

– Куда мы бежим? – кричала дочь Ингвальда в лесную чащу, и слышала в ответ далекое и звонкое:

– К реке!

Нет за лесом никакой реки. Это Астейн точно знала. За лесом – только лес, а еще дальше – снежные горы, откуда спускаются злые великаны.

Но сырое чавканье под ногами и речные запахи говорил об обратном. Как такое может быть? Ведь не раз с батюшкой и братом ходила в эти леса и никакой реки не встречала. А если бы такая нашлась, то хуторяне всенепременно повадились бы здесь рыбу удить.

Сосны расступились, и к немалому ее изумлению открылась река столь широкая, что противоположного берега и не видно было. Зеленовато-сизый туман призрачным покровом растекался по черной глади. Едва слышно перешептывался камыш, укрывая сонно кричающих уток.

У камышовых зарослей поджидала утлая лодчонка. Высокий мужчина рядом с ней кутался в длинную черную шерстяную накидку. Скрытое глубоким капюшоном лицо так ни разу и не оборотилось в сторону сбежавших с холма дево-

чек. Ни единого слова приветствия не произнес он, ни одного вопроса не задал ни дочери, ни Астейн, пока та неловко карабкалась в раскачивающуюся лодку.

– Залезай, залезай, – подбадривала девочка, забравшаяся к тому времени на самый нос, – батюшка покатает нас!

На самом краю сознания падающей звездой промелькнул и тут же растворился во мраке вопрос: почему она не видела отражения чужачки в водах ручья?

Страх обрушился на Астейн внезапно, словно камнепад, едва она оказалась на сыром дне лодки рядом с рыболовными снастями. Девочка задохнулась и судорожно вцепилась в борт.

– Что не так? – незнакомку было не видно, но голос ее звучал тревожно и напряженно.

– Почему я не вижу ваших лиц? Покажи лицо, убери волосы, повернись ко мне!

– Вот так странная просьба! – засмеялась та. – Давай от берега отплывем, я и покажу лицо.

Ее отец уже оттолкнул лодку, запрыгнул, и принялся грести одним веслом.

– Нет, нет, мне нельзя! – закричала Астейн.

На гребне холма, с которого они только что сбежали, сгустилось и нестерпимо ярко засияло искристое облако. Из золотого сияния тянулась рука, и нежный голос неслышно молил вернуться. В голове рождались слова неизвестные, складывались в фразы и срывались с дрожащих губ Астейн пес-

ней-молитвой:

– Да не коснутся меня руки нечистого, да избавит Предвечный Свет от сетей Черного Рыбака...

В тот же миг прокатился по недвижной реке страшный звериный вопль, и невидимая сила выкинула Астейн из лодки.

Девочка зашлась криком:

– Стой! Вернись! Ты моя! Батюшка, останови ее!

Речная вода приняла потное тело в ледяные объятия. Лодка еще не успела отплыть далеко и ноги без труда нащупали илистое дно. Астейн мгновенно вынырнула. Откашливаясь и сдирая с лица налипшие водоросли, она резко обернулась. Мужчина вынул весло из воды, аккуратно положил в лодку, и с неспешной уверенностью протянул к ней руки.

Омерзение охватило девочку, едва она разглядела эти руки: гнилое мясо свисало с желтоватых костей и шевелилось мелкими белыми червяками. Жирные и блестящие от слизи, они тяжелыми каплями срывались в черную воду.

Мышцы скрутила тугая судорога. Астейн отшатнулась, ноги заскользили, и рвущийся из груди крик залила мутная вода, неудержимым потоком хлынувшая в разверстый рот.

Из записок Аделины Отшельницы

«Помню, очнулась я посреди Серебряного ручья от пронзительного холода и боли в голове. Спотыкаясь на влажных валунах, выбралась на берег. После еще долго не могла понять, привиделась та девочка и ее жуткий отец-рыбак или и взаправду все случилось. И как ни напрягала память, слова песни-молитвы так и остались на илистом дне незнакомой реки.

Лишь спустя годы довелось мне осознать: то был знак, из самых что ни на есть дурных, и повстречала наивная дуручка не кого-нибудь, а самого Черного Рыбака – ловца души. Вот тогда открылась я Предвечному Свету и выучила ту молитву наизусть.

В юности многие опрометчиво мечтают заглянуть в будущее хоть одним глазком, но Всеблагая Дева-Мать в мудрости своей прячет его от нас под туманными покровами, дабы до времени не лишать сил и не вселять в слабые души отчаяние».

Глава II

Плач Банши

Когда Астейн шел пятнадцатый год, в усадьбе появился очередной миссионер из срединных земель – Балдред Гундарский, сухой седобородый старец с живыми ярко-голубыми глазами. Ингвальд Большая Нога все дивился, откуда в этом немощном теле столько сил, чтобы добраться в земли северных нордеров. Много позже Астейн поняла – то была сила духа и сила веры, гнавшая Балдредра все дальше на север, дабы нести искру Предвечного Света, не взирая на холод, болезни и опасности. Он привел за собой еще шесть монахов разного происхождения.

Испросив разрешения у Ингвальда, они отстроили небольшую общину у самого берега реки. Ингвальд Большая Нога им в помощь даже работников выделил, демонстрируя всяческое благорасположение и щедрость. Балдред без усталости благодарил гостеприимного хозяина за доброту и участие. Бедный старик не догадывался, что в разрешении не нуждается – приречная земля Ингвальду-купцу не принадлежала.

Хозяин Медвежьей Пади старательно изображал благодетеля, принимая монахов в усадьбе. Поил, кормил, делал вид, будто внимательно слушает проповеди. Балдред Гундарский был счастлив найти столь открытых Золотым Ре-

чениям последователей-нордеров, что обратятся к истинной вере со дня на день.

Сердце девочки сжималось от жалости к наивному и доброму старику, не скупившемуся на истории, не менее волшебные, чем у бабушки Хервёр. Стыдясь предательских слез, она все чаще убегала к Серебряному ручью.

Астейн и Хельми нередко навещали ту общину, дивясь жизни суровых молчаливых мужчин в коричневых балахонах, чей день делился между молитвой и работой. Они никому не мешали, более того – от них даже польза была, ибо, несмотря на бесчисленные дела, находили время рассказывать детям «диких северян» о том, другом мире, чужом и непонятном. Среди прочего, поведали они о великом короле и воине Анлауде II, о его красавице-жене, эльфийке Форгейн и о мудром маге Овейне, их советнике.

В одну ветреную ненастную ночь усадьба оказалась разбужена криком работника. Смысл того, что он кричал, не сразу дошел до полусонных людей, но всполохи пламени за рощей у реки рассказали все лучше всяких слов: горела обитель.

Удушливая волна страха на краткий миг парализовала девочку. Уже через мгновение ноги пришли в движение, выбросив потное тело в холодную ночную темень.

Все кто был в усадьбе, за исключением немощных старух и малых детей, побежали к реке. Астейн и Хельми мчались в первых рядах.

Увы, спасти было нечего и некого. Яростно воющее пла-

мя не давало даже подойти к постройкам. Сквозь гул огня девочка совершенно отчетливо слышала крики монахов, что горели заживо без малейшей надежды на спасение. Хуторяне бестолково металась от топкого речного берега к языкам пламени, пытаясь тушить огонь. Они подчинялись скорее инстинкту, чем разуму. То, что это не случайный пожар, сомнений не вызывало: кто-то завалил двери тяжелыми бревнами.

Астейн мутило: по поляне растекалась вонь горелого мяса, заполняя нутро и сводя горло судорогой.

Глумливо ухмыляясь, Смерть смотрела в глаза, костяными пальцами сжимая девочке сердце. Никогда ранее не оказывались они столь близко, никогда не доводилось дочери Ингвальда полной грудью вдыхать ее запах. Ужас пополам с омерзением ледяным копьем пронзил ее от макушки до пяток. В глазах потемнело. Кровь отлила от лица, рот наполнился сладковатой слюной. Едва переставляя непослушные ноги, Астейн отошла в лес, где исторгла вечернюю трапезу на широкие листья лопуха.

После, пытаясь прийти в чувства, присела на мшистый валун. Что произошло дальше, она и сама не поняла. Внезапно ночной лес за спиной взорвался резким визгливым смехом. Внутренности вновь скрутила болезненная судорога. Тело в миг покрылось холодным потом и скатилось с вала. Астейн вжалась в мокрую от росы траву, замерла, скованная липким ужасом, обратилась в слух. Истеричные перели-

вы визгливого хохота заполнили напоенную ароматами прелых листьев и грибов чащобу. Собрав волю в кулак, девочка выглянула из-за камня. Из паутины черных ветвей прямо на нее взирали мутные водянистые глаза – два мертвых озера на зеленовато-бледном, искореженном безумием женском лице. Алые губы незнакомки дрожали и кривились в бессмысленной улыбке. Облаченная в полупрозрачное серебристо-серое рваное платье, она раскачивала головой и то и дело отбрасывала змеящиеся спутанные рыжие волосы. Тощие ноги, оплетенные бугристыми темно-лиловыми венами, пьяно отплясывали на одном месте дикий танец.

– Девочка, девочка, – на распев, надтреснутым хрипловатым голосом пропела-проговорила странная незнакомка, – купеческая дочка, найду тебя по запаху, крепко возьму за руку, отведу в богатый дом, будешь счастлива ты в нем...

Крик застрял в сведенном горле. Уже в следующий миг женщину словно что-то испугало. Она обернулась, подняв вихрь опавших листьев, и растворилась во влажном мраке чащи. Лишь хохот тоскливым эхом еще долго стелился по примятой траве. Астейн неслышной тенью выскользнула из леса и смешалась с хуторянами.

Черное ночное небо прорезала белая молния, хлынул холодный дождь. Кто-то сказал, что Великий Воин, сын Хозяйки Леса, гневается, а кто-то шептал – радуется. Вода затушила пламя, но в сыром воздухе тошнотворный запах горелой плоти чувствовался сильнее.

О встрече в лесу Астейн никому и не сказала – не смогла. Слова не сплетались в связную речь, будто кто наложил заклятие молчания.

В ту ночь сон так и не пришел. Безумный хохот продолжал звучать в голове, а зловоние пожарища пропитало все – волосы, ткань, кожу. Едва забрезжил рассвет, она выскочила из усадьбы и отправилась к своему любимому ручью. На берегу сбросила рубаху и вошла в воду.

Вода должна быть ледяной – она это знала, но не ощущала холода. Чувства умерли – все пожрала огненная смерть. Руки лихорадочно омывали тело, ногтями соскабливая ее зловоние, раздирая кожу до крови, вырывая волосы. А в голове тупой болью пульсировал вопрос: кто была та безумная женщина?

Священный ручей возвращал жизнь, а вместе с ней пришли жжение ссадин и царапин, ледяной холод воды. Спinoй ощутив чей-то взгляд, Астейн в испуге оглянулась: Гуда Прекрасноволосая сидела на сером валуне и внимательно смотрела на дочь.

– Выходи, – коротко бросила она, – ты окоченеешь.

Озябшая девочка молча вышла на берег, потянулась за порванной рубахой, но Гуда сунула ей сухую и чистую.

– Дух смерти не в волосах или одежде, – проговорила мать, – он въелся в твою душу и память, и нет такой силы, что могла бы вытравить его оттуда. Ты должна научиться с ним жить.

Направляясь в усадьбу, они не проронили более ни слова, но никогда, – ни до этого, ни после, – не случилось между ними такой близости, как в те мгновения прозрачного и тихого раннего утра.

Несчастных монахов Астейн много раз вспоминала с благодарностью за скромные знания, что успела получить: они весьма пригодились, когда за спиной захлопнулись двери родительской усадьбы.

* * *

Спустя год Ингвальд стал брать дочь в непродолжительные поездки, справедливо полагая, что женщина должна разбираться в торговле и быть мужчине во всем помощницей – так уж было заведено у северных нордеров. Тогда Астейн увидела Норхейм и удивительные острова Седого моря, что рождены из слез Хозяйки Леса, побывала в шумном Хонгарде, узнала родственников из Благословенного королевства, свела крепкую дружбу с златовласой зеленоглазкой – веселой хохотушкой кузиной Урсулой, что была на два года младше. Разных людей она тогда повидала, со многими чудными нравами познакомилась.

Тогда же подарил Ингвальд дочери и острый кинжал с витой костяной ручкой. Купец не надеялся, что Астейн сможет защитить себя, но таков обычай северных нордеров – будущая хозяйка дома должна владеть оружием. Ингвальд показал дочери несколько хитрых приемов. По крайней мере, если уж врага не сразит, то бесчестья избежит.

– Ты не должна бояться ни крови, ни боли, – сказал как-то отец. – Смерть – это всего лишь смерть. Ты должна уметь принять ее. Главное – умри с честью, сжимая меч или кинжал. Такая смерть не позорна. Позорно лишь достаться врагу. Если поняла, что спасенья нет – умри. Этот клинок омыт в семи священных ручьях и заговорен – он поможет совладать со страхом.

Подобрал ей Ингвальд Большая Нога и жениха – крепко сбитого, русоволосого еву, сына еву по прозвищу Южный Ветер, хозяина усадьбы Рысье Логово. Ингвальд и еву были друзьями, и торговые дела тесно связали два семейства. Вот только этого еву Астейн видела всего лишь раз, да еще в раннем детстве. И нашал она его тогда скучным и вялым.

Были в числе новых знакомцев и лесные эльфы, с которыми Ингвальд иногда вел дела, хотя и не любил их. Причина для настороженности имелась – многие лесные эльфы гордо величали себя «свободными», славились непредсказуемостью и не признавали не только людских законов, но даже установлений своих более мирных собратьев. Люди за то прозвали их «дикими». Редко выходили они из непролазных чащоб, наводя ужас на хуторян знанием древних заклятий и смертноносными стрелами. Медноволосые, покрытые татуировками, они почитали себя истинными детьми Хозяйки Леса, а к торговцам относились с немалым презрением.

Из самого сердца леса, из тайных своих королевств привозили они порой вещицы редкой красоты. Сжав зубы, хозя-

ин Медвежьей Пади, который умел считать и видел выгоду не хуже любого цверга, начинал торговаться. Одна радость – торговались эльфы не долго, ибо находили это занятие уни- зительным.

Вот среди молчаливых статных красавцев на беду заприметила Астейн, вступившая в возраст невесты, одного – Ульвейна Вороново Крыло, причину всех ее бед и душевных страданий. Виновника разбитого сердца и бесприютных скитаний.

Он появился среди прочих своих собратьев в Медвежьей Пади. В тот раз эльфы принесли на продажу оружие – кинжалы тончайшей работы, тонкие лезвия которых переливались всеми цветами радуги, и волшебные стрелы, что по их словам могли пролетать расстояние в два раза большее против стрел обычных.

Астейн не слишком интересовалась оружием, и пока Хельми с отцом препирались с эльфами, пытаясь сбросить цену, разглядывала лесных жителей. Вот так их взгляды и встретились. И что-то томительно заняло в душе, и сердце застучало чуть быстрее. У этого высокого стройного юноши глаза оказались вовсе не цвета пожухлой травы, как у многих его соплеменников, но агатовые, и лучились они ласковым теплом. Никогда ранее не доводилось девушке испытывать того, что испытала она в первую же встречу с Ульвейном Вороново Крыло.

На закате выскользнула Астейн из усадьбы, из-за богато-

го стола, что повелел накрыть Игнлвальд в честь эльфов. Девушка устремилась к Серебряному ручью – хотела посидеть в одиночестве, унять бешеное сердцебиение и погасить внезапный жар, что огненной лавой растекался в груди. Да только вместо привычного журчания слышала она его бархатный голос и смех, а в искристой воде видела его глаза.

– А я думаю, куда это сбежала наша юная хозяйка, – вдуг раздалось у нее за спиной.

Да, это был он, Ульвейн Вороново Крыло. Стоял и смотрел на нее. Что прочла Астейн в его взгляде? То была удивительная нежность. Еще никто так не смотрел на нее.

– Зачем ты здесь? – спросила она, преодолев внезапную дурноту и слабость.

– А без тебя там скучно.

– Какое ж от меня веселье? – Девушка едва смогла заставить себя отвести от него взгляд и пожать плечами. – Я ж все больше молчу...

– Так давай вместе помолчим.

И они молчали. И лишь Серебряный ручей да древние сосны видели, как коснулись губы эльфа губ дочери Ингвальда. Для поцелуев слова не нужны.

Потом он приходил снова и снова, уже без всякой торговой надобности. В заранее условленном месте эльф оказывался всегда раньше Астейн, а после исчезал, скрываясь во влажных лесных тенях.

Слишком мало боги отвели им времени – как один миг

пронеслись дни от праздника Первого Колоска до наступления снежных великанов. Ульвейн уговаривал ее уйти с ним, резонно замечая, что Ингвальд никогда не даст согласия на их брак. Но открытому сердцу девушки в тягость были и тайные встречи, и затянувшийся обман. Она верила в свое право на выбор.

На илистом дне памяти навсегда остались занесенный снегом старый амбар, запах сена, бархатное тепло кожи эльфа и сладкий аромат губ – призрачные следы преступной любви. Многие годы минули, много воды утекло с тех пор, но частенько приходили ночи, когда выносило приливом предательских воспоминаний бледное перекошенное лицо брата и сверкающий меч в руках отца, тогда просыпалась Астейн с криком на устах. Боль с годами не притупилась, и тело сводило потливой судорогой: Ульвейн бежал, а она осталась, хладной скалой приняв удар кипучей волны отцовской ярости.

Гнев отца явился для Астейн полной неожиданностью, как снежный буран в середине лета. Полагая себя свободной, она наивно думала, что может сама выбрать того, кому дарить любовь. Ингвальд считал иначе: привыкнув командовать дружиной, он желал командовать и детьми. А как Ингвальд-купец гордился свободой земляков! С каким презрением отзывался о кланах южных нордеров! «Не родился еще в предгорьях Белого Хребта тот нордер, кто добровольно повесит себе на шею короля! Нет у нас более братьев, ибо

не стало у них былой гордости!» – так с горечью отзывался он о тех, кто по ту сторону Седого моря на совете кланов избрал королем Хенделана Лиса. Увы, его представления о свободе не касались семьи.

Какая судьба могла ждать девушку, изгнанную из родного дома? На сей счет можно не обольщаться. Всем было очевидно в те дни – неблагодарная дочь должна покинуть мир одиноких усадеб, троллей и цвергов. Только вот примет ли ее тот, другой мир, из которого приходили суровые миссионеры, где правили короли и бурлили города? Удивительное дело, но даже монахиней в том мире она стать не могла – слишком мало тогда знала о чужой вере.

Заплаканная Гуда Прекрасноволосая, – она стала после того случая с общиной для дочери чем-то вроде подруги, – сама едва умеющая писать, вывела на пару с бабушкой несколько строк настоятельнице женской обители Святой Хранительницы Итенель – ближайшего островка в Седом море, где разгорелась искра Предвечного Света. Они просили приютить Астейн и наставить на путь истинный. Дойдя в письме до слов «путь истинный», женщины глубоко задумались, ибо и сами не очень хорошо представляли, что это может означать. Гневные крики того, кто отказался быть отцом для предательницы-дочери, от которых содрогались стены, быстро вывели их из задумчивости.

– Главное, чтоб с голоду не умерла, – рассудительно сказала бабушка, вручая девушке пергамент. – Это не лучшее

место в мире, но ты сама обрекла себя на такую жизнь.

– Есть и положительная сторона, – сквозь слезы попыталась улыбнуться Гуда, – это всего в нескольких днях пути от нас, да и настоятельницу Луту я хорошо помню. Она добрая женщина.

Луту, дочь Гуннстейна, Гуда знала еще с девических времен – хутора их родителей располагались по соседству. Лута рано вышла замуж, но вскоре овдовела. Приняв новую веру в Хонгарде, она отправилась в долгое паломничество, и получила благословение Великого Патриарха, Владыки Тайных Дел, на строительство женской обители на границе двух миров – на Лисьем острове, затерянном в бурном Седом море.

Получив знания, необходимые монашке, Астейн также примет веру Верхних земель и со временем вольется в сестринскую общину. Хотя, оставалась надежда, что отец одумается и простит дочь, не совершившую никакого преступления. Впрочем, тогда никто всерьез не задумывался о столь отдаленном будущем. Главное было добраться до обители.

Хельми сопровождал сестру, ибо путь предстоял хоть и не слишком долгий, но весьма опасный, ведь она не просто покидала отчий дом, а направлялась во владения южных нордеров, в земли короля Хенделана. Хитрый и алчный предводитель южных нордеров считал, – без всяких на то оснований, – острова Седого моря своими.

Когда немые белокурые волны исполинским шатром

смыкались над старым дреком, Астейн молила Волногонителя, сына Хозяйки Леса, поймать утлый челн в свои сети и прекратить ее страдания.

Хельми не проронил ни слова за все время путешествия, лишь украдкой бросал на сестру обиженные взгляды. Молчание было столь тягостным, что Астейн даже испытала облегчение, когда тяжелые деревянные ворота общины навсегда разделили их. Все же к брату она не испытывала ничего, кроме благодарности – он мог отказаться от этой дороги, предоставив проклятую изгнанницу ее печальной судьбе.

Так поступают со всеми изгнанниками.

* * *

То была одна из многих обителей Ордена Сестер Девы-Матери – монахинь, что посвятили жизнь благородному искусству целительства. Сестры приняли измученную душевными страданиями девушку ласково, окружили теплом и заботой. Казалось, для Астейн, дочери Ингвальда, начинается новая жизнь, вдали от мирской суеты, возможно лишенная земных радостей, но исполненная покоя и тишины.

Настоятельница Лута, причмокивая, несколько раз проговорила ее имя, словно пробуя на вкус. Потом едва слышно пробормотала: «Нужна заступница». Как бы потом Астейн ни напрягала память, но церемонии принятия новой веры вспомнить не смогла. Все было словно в тумане не то от слез, не то от волнения. Монахини вздымали руки, восхваляя Деву-Мать, красиво звучали слова непонятных мо-

литв, но беспрестанная дурнота от курящихся терпких благовоний мешала сосредоточиться. От волшебного золотого сияния красных свечей и священного огня на высоком алтаре слезились глаза. Душа девушки в этом участия не принимала, а сердце оставалось закрытым для Предвечного Света.

А потом настоятельница поднесла руки к магическому огню и замерла на мгновение. После к ужасу Астейн опустила их в пляшущие языки пламени. Ни звука не сорвалось с бледных губ женщины, она даже не поморщилась. Когда же вынула их из пламени – ни единого ожога не осталось на морщинистой коже. Матушка Лута заметив недоумение послушницы, охотно пояснила:

– Это не простой огонь. Нам, Сестрам Девы-Матери, он не страшен. – Настоятельница протянула руку. На ее ладони Астейн увидела золотое Око Дракона. Из самого его центра, – оттуда, где должен быть расположен вытянутый змеиный зрачок, – на девушку смотрело едва различимое изображение печального женского лица. – Тебе нужен хранитель и заступник, как любой сироте. Раньше тебя защищала Хозяйка Леса. Говорят, она очень любит северных нордеров. евушк не проговорись, что от меня это слышала – сочтут старую Луту либо из ума выжившей, либо еретичкой. Так вот, теперь тебе нужен новый хранитель, из числа тех, что сидят у Престола Предвечного Света. Отныне тебя станет защищать Святая Хранительница Аделина – так решила Дева-Мать, явив чудо и послав нам ее образ. Аделина – жен-

щина во всех отношениях весьма достойная. Была она великой целительницей и спасла своими чудесными руками многих добрых людей в годы Белой смерти. Жила она на самой границе Серой топи, и во время одного из набегов гоблинов пропала ее единственная дочь. Многих тогда злобные твари увели с собой. После этого очерствела сердцем Аделина и сказала: «Я верно служила Предвечному Свету и Деве-Матери, многих людей излечила, так за что же мне такое наказание?!». Кто бы ни приходил к ней – с малыми умирающими детьми или больными стариками – всем отказывала в помощи. «Мне разве кто помог, когда дочь угнали гоблины? Пошел ли кто в Серые топи изволять ее?», – так она говорила. А потом, чтобы и не ходили более, отправилась к источнику, что зовется Кровь ведьмы. Сунула руки в бурую воду – ожгла ее вода лютым огнем. Многие тогда слышали крик Аделины. И удивительное дело – не осталось на коже ни шрамов, ни ожогов. Только лишь дар целительства пропал навсегда. Обожгла она в тот день не тело, а душу. Более никто не ходил к ней, не беспокоил, не просил ни о чем.

И так случилось, что ехали через ту деревню, где жила Аделина, купцы. На одной из телег лежал не заморский товар, а бледная исхудалая девушка. Кожу ее покрывали струппя и волдыри. Сказывали торговые люди, что нашли ее у Старого тракта, что шел вдоль Серой топи, и в бреду шептала она название этой деревни. Пожалели они страдальницу, взяли с собой, нацепив предварительно на себя поболь-

ше берегов, чтобы от неизвестной болезни защититься. Без труда признали жители деревни в девушке пропавшую дочь Аделины-целительницы. На зов общинников вышла женщина, глянула на больную, и едва чувств не лишилась. Хотела излечить вновь обретенную дочь, но не было в руках волшебного дара – сама же от него отказалась. И что бы не делала, как бы ни касалась – все без толку. Так и умерла несчастная на руках матери. Только тогда поняла Аделина, что сотворила.

Отчаяние захлестнуло исстрадавшуюся душу. Ушла она в лес, где многие дни провела в покаянных молитвах. Долгих двадцать лет вымаливала она прощение у Предвечного Света и Девы-Матери. И вот однажды явилась ей Дева-Мать и молвила такие слова: «Было преступление твое страшным, но покаяние глубоким. Лишь павший низко, может вознестись высоко. Дарую я тебе прощение и возвращаю великий дар рукам. Иди же к людям и посвяти остаток жизни их спасению!». С тех самых пор Аделина ходила из одной деревни в другую и лечила всех, кто в том нуждался.

Спустя много лет ее схватили маги-отступники, служители Предвечной Тьмы, и потребовали, чтобы она излечила Рорика Безликого, их предводителя. Ничего не сказала Аделина, молча подошла к открытому очагу и сунула руки в огонь. Занялась жарким пламенем одежда целительницы и сгорела она, не издав ни единого крика. А после смерти сама Дева-Мать возвела ее к Престолу Предвечного Света

и назначила Хранительницей.

Когда рассказ был окончен, в глазах матушки Луты светилось неподдельное восхищение. Астейн же смогла лишь по сильнее выпучить глаза и пробормотать что-то неразборчивое, но восторженное. Настоятельница осталась довольна.

* * *

Дни в обители проходили однообразно, но вполне сносно, в соответствии с уставом и с ожиданиями изгнанницы: наблюдения за каждодневной жизнью тех несчастных монахов дали новой послушнице определенные представления о собственной будущности.

Настоятельница Лута оказалась женщиной доброй и не слишком навязчивой в наставлениях. «Ты сама должна прийти к истинной вере, – так сказала она, приветствуя ее в первый вечер, – учись, набирайся знаний, присматривайся. Так ты найдешь здесь свое место, а следом и все остальное придет». Она напоминала сову – круглолицая, с маленьким острым носиком-клювиком, завернутая-закутанная в великое множество шерстяных накидок, ибо всегда мерзла. Толстой серой птицей неподвижно восседала настоятельница во главе стола в трапезной, или на бревне во дворе обители, или на табурете у круглого очага в кухне. Ее вообще редко видели в движении. Нахохлится на очередной «жердочке» и обводит сестер внимательным взглядом из—под полуопущенных тяжелых век. А чаще – просто дремлет.

Незаметно отступили к отрогам Белого Хребта снеж-

ные великаны. На острове Седого моря вернулись притцы из дальних южных краев, а в Астейн проснулся интерес к миру. В разгар сезона цветения она спросила матушку Луту, придет ли час, когда наступит примирение в душе между новой верой и Хозяйкой Леса и ее сыновьями, коих вряд ли сможет она изгнать из сердца.

– Дочь моя, – начала было Лута, и вдруг замолчала. Взгляд настоятельницы заволкло туманом, бледные губы задрожали, словно она хотела что-то сказать и не решалась. Потом тяжело вздохнула, наклонилась к коленопреклоненной девушке, и жарко зашептала:

– Не надо никого изгонять. Путь великие боги живут в твоём сердце – оно ведь у нас большое, всем места хватит. Запомни, Предвечный Свет для всех един, но является нам таким, каким мы его готовы узреть и принять.

Монахинь было всего двенадцать, и одна из них, сестра Оск, смешливая пухленькая девушка восемнадцати лет, стала послушнице наставницей и подругой. Родом, как и Астейн, из свободных северных краев, она потеряла родителей во время набега очередного алчущего крови Морского властителя, сама чудом спаслась и вот уже три года жила в обители. Юная монахиня оказалась прекрасным проводником в таинственном мире молитв, священных текстов и книжной премудрости. Заливаясь серебристым смехом, сестра Оск рассказывала о деяниях Всеблаготворительницы Девы-Матери, о Черном и Белом Рыбаке. Если же послушница чего-то

и не понимала, то Оск никогда не отчаивалась и не теряла терпение. Астейн с удивлением обнаружила, что между Девой-Матерью и Хозяйкой Леса разница не так уж и велика. С Черным и Белым Рыбаком разобралась тоже быстро: если в сети первого попадали проклятые души, пополняя армию Тьмы, то второй вылавливал из Реки Душ праведников, сопровождая их далее в Пресветлые Чертоги. У каждого Рыбка есть свой помощник: Черному Рыбаку помогает Мертвое Дитя, Белому – Сизый Ворон.

Самое же главное, именно от сестры Оск узнала девушка о пяти Дочерях Тьмы – великих одержимых душах. При жизни они совершили злодеяния, что превзошли все известные в истории. Восседают Дочери на костяных престолах в Лабиринте Тьмы, и именуются в старинных манускриптах Лидами Зла. Увы, Оск была всего лишь монахиней и знала о них слишком мало – книги о служителях Тьмы были доступны далеко не всем. Одно юная монахиня знала точно: раз в тысячу лет Лабиринт Тьмы оказывается очень близко от Земного Предела, и тогда исчадия Зла просыпаются повсюду, а Дочери Тьмы совращают невинные души, собирают армию и получают телесное воплощение. И каждую тысячу лет случается Великая Битва, и всякий раз она может оказаться последней. Именно своей юной наставнице рассказала Астейн о странной встрече в лесу в ночь, когда погиб отец Балдред. Сестра Оск заметно побледнела и безцветным голосом пролепетала:

– Дочь Горького Безумия. Ты встретила Дочь Горького Безумия. Это плохо, очень плохо. Они не отпускают тех, на кого положили глаз. Чем ты могла им приглянуться?

Вот уж вопрос, так вопрос! Красотой несказанной, не иначе. С таким же успехом Астейн можно было спросить, где находится тайная столица лесных эльфов.

Дочь Ингвальда платила сестре Оск не только дружбой, но и теми знаниями, что получила от бабушки Хервёр: она гадала ей. Монотонное течение сонной монастырской жизни вроде бы не готовит своим обитателям неожиданных порогов или водоворотов, но Оск была скорее увлечена процессом гадания, чем надеялась на откровение. Едва ли не каждый вечер они убегали за стены обители, где на маленькой лужайке в березовой роще Астейн вставала лицом к северу и бросала руны на шерстяную накидку к вящему восторгу румяной от возбуждения подруги.

Месяцы, проведенные в обители, не прошли даром: при поддержке сестры Оск и под надзором матушки Луты разрозненные и весьма отрывочные знания постепенно сложились в живую карту, сплетенную временем и пространством. Посреди этого плетения Астейн узрела себя и свое место в подлунном мире.

Неопытность юности не позволила ей понять – редкая карта не врет.

* * *

Однажды в трапезной приключилась престранная исто-

рия, возвращавшаяся кошмарами еще несколько ночей, пока навязчивые воспоминания не притупились под натиском событий куда более страшных.

В тот вечер как обычно сестры совершили молитву во славу Предвечного Света и Всеблагой Девы-Матери. Вернее будет сказать – кто помолился, а кто в тени резной колонны молча постоял: день за днем учила Астейн молитвы и нараспев повторяла их за сестрой Оск, но сложные слова и витиеватые фразы с завидным постоянством бесследно покидали дурную голову уже к вечеру.

– Это все оттого, что ты так и не открыла сердце Предвечному Свету и Деве-Матери, – выговаривала Оск неразумной ученице и забавно хмурила светлые брови.

Возложив на алтарь дары – выращенные собственноручно на суровой северной земле нехитрые плоды и цветы – они прошли в трапезную. Сокрыв глубокими капюшонами головы и храня молчание, как положено по законам обители, приступили к еде. Несколько раз матушка Лута ругала Астейн за то, что та вовлекает сестер в праздные беседы за столом:

– Предвечный Свет помогает нам в праведном труде, дарит земные плоды и позволяет взращивать колосья. Насыщая тело, мысленно мы должны возносить ему благодарственные молитвы и наслаждаться вкусом даров. Глупая болтовня за едой – кощунство и неблагодарность! Помни, Аделина, трапеза – это продолжение молитвы!

Луга перестала называть ее старым именем, но к новому послушница привыкнуть никак не могла. Девушка запомнила строгие наставления и приучилась молчать.

Она уже успела смириться с тишиной в трапезной и в тот памятный вечер оказалась до крайности изумлена, когда услышала сиплый голос настоятельницы:

– Вот ведь чудные дела творятся! Или Предвечный Свет до времени лишил меня разума. Матушка Талла, – настоятельница обратилась к своей верной помощнице, тощей и сутулой монахини, что всегда сидела по правую руку от нее, – сколько нас должно быть за столом?

– Да столько же, сколько и в обители, – голос еву дрогнул и пресекался. Монахиня казалась не просто изумленной нарушением вековой традиции, но попросту испуганной: ее и без того бледное лицо обрело пепельный оттенок, а тонкие пальцы задрожали. – Все ли с вами в порядке, матушка? Нас четырнадцать: двенадцать сестер, одна послушница и вы, возлюбленная наша мать-настоятельница.

– Спасибо, Талла. А теперь скажи, сколько нас сейчас за столом?

В тот миг нехорошее предчувствие сплело внутренности в тугую косицу. Да не у одной Астейн: сестры оторвались от глиняных мисок и судорожно пересчитывали сидящих за длинным столом.

– Пятнадцать, – в ужасе выдохнула Талла, – нас пятнадцать!

– Значит я еще в разуме, а среди нас чужак. – Матушка Лута отбросила привычную сонливую медлительность, резко поднялась и вонзила пристальный взгляд в сестер, чьи лица все еще были сокрыты глубокими капюшонами.

В тот же миг сидевшая на самом конце стола монахиня медленно встала и вышла на середину зала. Стремительным движением белых рук откинула она капюшон. Крики заполнили трапезную. В страхе прижались сестры друг к другу. Кто-то, спотыкаясь о скамью и путаясь в складках сутаны, попытался неловко выбраться из-за стола. Иные же застыли в неподвижности, лишенные воли и обращенные незримой силой в каменные идолы.

От одного взгляда на незнакомку в жилах стыла кровь. Сестра Оск в одно мгновение позеленела и беззвучно сползла со скамьи под стол. Астейн хотела помочь лишившейся чувств подруге, но руки и ноги отказывались повиноваться. Слово серый туман окутал весь мир, спрятав запахи, стерев краски, заглушив звуки и оставив лишь глаза: вопреки воле разума они неотрывно смотрели на воплощенный кошмар.

Незнакомка в первое мгновение показалась безглазой – лишь два кровавых провала посреди угловатого вытянутого лица. Кровь тонкими струйками стекала из глазниц и капала на сутану. Не сразу, но Астейн все же поняла, что глаза у нее есть: красные, воспаленные, они почти сливались с сочащейся из них кровью. Тонкие серые губы, иссохшие и покрытые язвами, дрогнули, обнажая гнилые обломанные зубы.

Черный провал рта вдруг широко распахнулся, и трапезная наполнилась животным криком. Надрывный, рыдающий, он возносился к деревянным стропилам и обрушивался на сестер черной волной. Исполненный неземной боли плач затопил трапезную. Грудь готова была лопнуть от переполнившей Астейн тоски и отчаяния. И девушка рыдала, кричала и рвала на себе волосы вместе с этой окровавленной женщиной. Казалось ей, из глаз ее струятся такие же кровавые слезы, что и у страшной незнакомки. Не было более трапезной, исчезла обитель, да и сам остров растворился в горьком безбрежье. Осталась лишь скорбь, топкая и вязкая, словно смола или гнилое болото.

Крик все лился и лился бурной слезной рекой, и тогда Астейн поняла, что радость ничтожно мала, а тоска не имеет берегов.

Сестра Оск пришла в себя, но свернулась тугим калачиком на полу и безутешно плакала.

А потом появилось что-то светлое, будто нерушимая преграда выстроилась на пути скорбной реки. Незримые пути ослабели и пали. Маленькая женщина – матушка Лута – словно скала застыла на пути криков-рыданий. Губы ее шептали молитву, рождая нежное свечение. Вот уже вся настоятельница будто бы окуталась золотистым облаком. Света становилось все больше и больше. Пришла в себя матушка Талла. Встав рядом с Лутой, она тоже принялась молиться. Через мгновение золотистое облако окутало и ее. И вот уже

пять монахинь сплетали слова молитвы в прозрачный гобелен.

Крики незнакомки затихли. Издав злобное шипение, она резко развернулась и испуганной птицей вылетела из трапезной, едва не сорвав с петель тяжелые двери.

Матушка Лута, проявив несвойственную ей подвижность, быстро обогнула стол и выскочила следом, во влажный сумрак летнего вечера.

Астейн выбежала вместе с евуш и замерла при виде растерянного и подавленного лица настоятельницы.

– Банши, – пояснила матушка Лута, обращаясь к послушнице видимо оттого, что все прочие уже поняли, кем была незнакомка. – Банши удостоила нас визитом. Надеюсь, ее плач был по мне.

– О чем вы говорите, матушка! – Талла всплеснула руками и, громче, чем то было необходимо в напоенной вечерними ароматами тишине, быстро проговорила: – завтра, еще до рассвета, мы принесем Предвечному Свету новые дары и станем молиться в два раза усерднее. Посланцы Тьмы просто хотят нас запугать!

– Талла, я не боюсь умереть. – Лута мягко улыбнулась. – Согласись, это будет справедливее, чем смерть иной из нас: я куда старше всех прочих.

Из записок Аделины Отшельницы

«Как же ошибалась матушка Лута, но могла ли она предвидеть тот кровавый ужас, что обрушатся на несчастную обитель спустя месяц? Сейчас, когда дряхлой старухой я готовлюсь окунуться в воды Реки Душ, бледные лики сестер монастыря Святой Хранительницы Итеньель все чаще предстают перед мысленным взором, а грудь теснится от невыплаканных слез, ибо в ту страшную ночь было не до рыданий.

По прихоти злой судьбы обращенная в загнанного зверя, я спасала свою жизнь».

Глава III

Страница

Рауд Бронгардский, «Жития Аделины Отшельницы»: «В год 983 от воплощения Девы-Матери в предгорьях Драконьего Хребта в тоске от понесенных потерь скончался король Анлауд II Святой. Весть о его кончине достигла пределов славного города Ансахалла ровно в час, когда Великий Патриарх Эйвинд и колдун Овейн Белый венчали малолетнего наследника на царство. Кто знает, какие еще беды обрушились бы на Верхние земли, не блесни в те дни Патриарх Эйвинд крестьянским умом и смекалкой, позволившие вдове, Форгейн Молчунье, что из древнего рода горных эльфов, утвердиться в регентстве, несмотря на козни брата покойного монарха – Рутгера Хромого.

Женское правление многим позволило уверовать в слабость власти. В этот страшный год в северные пределы Благословенного королевства вторгся Хенделан, ошибочно именованный летописцами Смиренным, а в народе прозванный Лисом за безмерную хитрость и коварство. Завладев торговым городом Норхеймом, он изгнал вассалов Форгейн. Многие тогда посчитали его поступок вероломным, ибо был король Хенделан первым, кто возвел храм Предвечного Света в землях южных нордеров, сменив своего жестокосердно-

го отца на престоле. Это богоугодное деяние обратило его в друга короля Анлауда II и Великого Патриарха. При дворе вдовствующей королевы говорили, будто отплатил он черной неблагодарностью за оказанное доверие и дружбу.

Дикие эльфы и прочие жители Великого Леса, что были его тайными союзниками, захватили Истмарк и святой город Брогенхейм, и жестоко расправились с местными слугами Предвечного Света.

Мало было этих бед – Предвечный Свет и Дева-Мать в мудрости своей продолжали испытывать праведный мир, и в год 985 предводитель полуорков анн-Гор захватил весь юго-восток Благослвленного королевства.

Словно врата Лабиринта Тьмы растворились, извергая потоки демонов—полуорков, диких лесных эльфов и гоблинов из Серых Топей. Повсеместно уничтожали они города и деревни, разрушали храмы и оскверняли святыни.

День за днем приближался мир к концу тысячелетия, с каждой новой смертью становился ближе ко дню Великой Битвы.

В том же году, в середине лета, убийца, поименованный Ормульв Рыжий, разграбил и спалил обитель Святой Хранительницы Итенель. Мог ли он знать, что сим богопротивным деянием ввергает в водоворот грешных страстей человеческих существо столь малое, сколь и незаметное в суетном мире? Разумеется, нет.

Как не знало о том и само это существо в сей водоворот

ввергаемое».

* * *

В тот страшный час уберегли Астейн от верной смерти ветви орешника, за которыми она отправилась, едва ощутила прохладу подступающего вечера. Узнай настоятельница Лута, зачем они понадобились, то долго бы пришлось послушнице читать покаянные молитвы – использование рун для предсказания судьбы не согласуется с заветами Девы-Матери. И хотя не стала она тогда еще монашкой, но нарушать законы обители никому не дозволено. Слишком частые тайные выходы в рощу, где они с сестрой Оск предавались этому греховному занятию, привели к тому, что в один прекрасный день девицы не досчиталась нескольких дощечек.

С раннего детства лес внушал Астейн глубокое чувство покоя, а покой исстрадавшейся душе был необходим, ведь в те дни она не испытывала уверенности в том, что хочет посвятить себя служению Предвечному Свету. Сотни неясных противоречивых мыслей заволокли голову, будто утренний туман – речные берега. Очнулась она лишь, когда лес погрузился в прозрачный сумрак, а иссиня-черное небо расцвели алые и пурпурные всполохи заката. Вечерняя роса после знойного дня приятно холодила ступни. Остаться ночью в лесу девушка не боялась, но причинять лишнее беспокойство сестрам не хотела, потому и поспешила вернуться.

Сквозь плотный частокол невеселых мыслей о собствен-

ной судьбе внезапно прорвались полные ужаса крики. Там, где между деревьями уже угадывались очертания деревянных стен обители, бешено скакали языки пламени.

Подернутые дымкой забвения воспоминания об отце Балдредде и шести сгоревших заживо монахах предстали перед внутренним взором с пугающей ясностью и покрыли на миг омертвевшее тело липким потом. Мысль о пожаре заставила броситься напролом через кустарник. Однако на краю леса неведомая сила удержала ее: там, у обители, освещенные пляшущим огнем, метались вовсе не сестры в сутанах. Астейн видела высоких вооруженных мужчин, слышала их гортанный говор и хриплый смех.

Девушке выросшей в северном краю прекрасно ведомо, чем промышляют ее соплеменники испокон веков, наводя ужас на прибрежное население. Времена менялись, все меньше оставалось кровавых Морских властителей, знатных своими набегами. Еще недавно ее собственный отец участвовал в таких походах, о чем любил вспоминать в долгие зимние вечера. Старые традиции умирали, и все больше эти дружины напоминали разбойничьи шайки, сколоченные не только из северян-нордеров, но и из диких эльфов, и, даже, степняков, в чьих жилах текла орочьа кровь. Набеги продолжались, но мудрые утверждали – то агония старого мира. Поговаривали, будто сын короля южных нордеров Хенделана, Рэвдан Белобородый, поощрял грабительские походы, призывая своих родичей вернуть славу былых дней, ко-

гда и северные и южные нордеры жили грабежом купеческих кораблей да богатых торговых городов. Хенделан Лис, сторонник в большей степени хитрой дипломатии, обрел в лице собственного сына смертельного врага.

Астейн плохо разбиралась в политике и никогда не представляла, что сама может стать жертвой подобного набега. Тем более, в родных землях.

Страха не было, лишь тупая боль сдавила грудь: проклятая дочь Ингвальда вновь превращается в бездомную скитальицу. Ярость – вот чувство, едва не вытолкнувшее послушницу из леса на верную смерть. Невероятным усилием воли сдержала девушка движение ног, понимая, что ничем не может помочь сестрам.

Сердце обливалось кровью: Астейн видела, как два рыжих демона тащат за ноги матушку Луту, и накидка за накидкой сползают с нее, цепляясь за острые камни. И вот уже «мудрая сова» превращается в маленькую испуганную старушку. С перекошенным от ужаса лицом из объятой пламенем обители выскочила сестра Оск. Однажды ей повезло, но теперь все было иначе – два утробно хохочущих полуорка повалили юную монахиню на землю. Чудом Оск удалось вырваться – серебром сверкнул кинжал в маленькой руке и в когтистых лапах истекающих слюной чудовищ остались лишь обрывки сутаны. Увы, евушка не успела сделать и нескольких шагов, как вновь была погребена под разгоряченными телами преследователей. Рядом продолжала хрипло звать к ми-

лосердной Деве-Матери истекающая кровью настоятельница. В языках пламени сверкнул широкий меч. В следующий миг он хищной молнией обрушился на старушку. Астейн едва удержалась от крика, и поспешила отступить в глубь леса.

Глядя на беснующийся огонь, сдерживая испепеляющую ярость и рвущиеся из груди рыдания, девушка едва не пропустила легкую поступь Смерти за спиной. Тело пришло в движение раньше, чем разум осознал происходящее: она резко развернулась и отпрыгнула в сторону. Длинноволосый увалень поскользнулся на мокрой от вечерней росы траве в тщетной попытке схватить верткую девицу. Это ничуть не смутило его: ухмыляясь – испуганная послушница виделась ему столь легкой добычей! – он надвигался, широко расставив руки, словно желая обнять. Грубая, чуть зеленоватая кожа и злобные раскосые глаза с красными зрачками выдавали гнилую орочью кровь.

Тело все решало само. Прутья орешника были отброшены, правая рука сделала резкий выпад и остро наточенный кинжал, – подарок отца, омытый в семи священных водах и заговоренный от всякого зла, – хищно блеснул в лучах заходящего солнца и погрузился в потную волосатую плоть.

Астейн поняла, что происходит, лишь в тот момент, когда по руке полилась теплая кровь, а полуорк недоуменно воззрелся на нее.

– Это последнее удивление в твоей жизни, – словно сплюнула она напоследок, прежде чем выдернуть кинжал и уйти

в чашу.

Напоенный ночными ароматами лес принял плачущую девушку в ласковые объятия, но утешить не смог. Отчаяние затопило душу, словно река в половодье. Слезы сдавили горло судорогой, а в памяти всплывала легенда про Вечную Странницу. В голове царила совершеннейшая путаница – кто карает ее? Хозяйка Леса и духи предков, от которых отступила, или Предвечный Свет Верхних земель, которому не открыла душу? Строптивая девица пошла против слова отца и предала семью – могла ли она избежать справедливой расплаты? Оттирая сочной травой чужую кровь, Астейн ощущала лишь безмерную усталость.

* * *

Сколько скрывал ее лес, девушка так никогда и не узнала. Может пару дней, а может и гораздо больше. Дорога к ближайшему хутору была ей прекрасно известна, только откуда взять сил и смелости вновь увидеть людей и отвечать на вопросы? Лес заботливо утешал и врачевал душевные раны.

В первую ночь она свернулась клубком в мшистой кочке и разрыдалась. Ей не хватало сильных рук Ульвейна, его нежной улыбки и агатовых смеющихся глаз. В тот миг жгучая тоска острым ножом резала Астейн на маленькие кусочки, заставляя беззвучно рыдать и корчиться от боли. В лесной чаще, на зыбкой грани дня и ночи, изгнанница снова и снова взывала к медноволосому эльфу и до боли в глазах вглядывалась в сплетение ветвей в безумном стремлении

узреть черты милого лица.

Устав от рыданий, она заснула в объятиях корней на мягком мху. Сон оказался тревожным и не глубоким, а инстинкты были обострены до крайности. Астейн сжалась от ощущения чужого присутствия и, не открывая глаз, потянулась за кинжалом. Когда же изготовилась нанести удар и распахнула веки, то увидела стройных златовласых созданий в белых, словно из паутины сотканных одеждах. Светлые эльфы склонили над ней солнечные лики. Исходило от них бесконечное тепло и участие. Мокрого от слез лица коснулось дыхание – сладкий аромат ночных цветов.

– Вот мы и нашли тебя, Астейн, дочь Ингвальда.

– Зачем понадобилась несостоявшаяся монахиня светлым эльфам? – Попытка отвести взгляд от прекрасных ликов ни к чему не привела.

– Уж не собралась ли ты умереть в нашем лесу, милая Астейн? – Улыбнулся один из незнакомцев.

– А если и так, что с того? – грубить любимым детям Хозяйки Леса она вовсе не хотела, но затуманенный разум отпустил язык на волю. – От меня отказались и боги, и люди!

– Если б так, то не стояли бы мы здесь и с тобой не разговаривали. Никто не отказывался от тебя. Уста Астейн, дочери Ингвальда, хранят поцелуй эльфа. В тот миг, когда его губы коснулись твоих, в эльфийских садах расцвел рубиновый горицвет. Мы слышим его тревожный звон, если ты в беде. Никто не даст тебе умереть до срока.

– Какое дело светлым эльфам до дел эльфа лесного?

– Все эльфы одной природы – дети Хозяйки Леса.

И не важно, что развело нас. Потому, чтобы не случилось, – мы защитим девушку, избранную нашим братом.

– Значит и в смерти я не вольна?

– Рано ты прощаешься с жизнью. Иди вперед, оставь горести. Твоя жизнь едва началась, а дорога еще так длинна! Помни – люди делят то, что неразделимо, ибо душа ваша слишком мала, чтобы вместить величие единства.

Нежные пальцы коснулись лба, усыпили воспаленный разум, отправили душу в долгий целебный полет.

Погружаясь в сладостный сон, Астейн услышала прощальное:

– Помни, дочь Ингвальда, губы твои будут хранить поцелуй эльфа, пока их не коснутся губы простого смертного. Поцелуем ты сможешь спасти проклятую душу, вернуть ее к свету, но тогда увянет горлицвет, и не жди больше помощи от нашего народа!

Солнце заливало благоуханную лужайку ласковым теплом, когда Астейн пробудилась, поднялась с мшистого ложа и покинула тихое убежище. Призрачные создания солнечного света, добрые эльфы вернули ей саму себя, заблудившуюся в темном лесу израненной души.

Они дали великое знание: никто не карает ее – высшие силы направили грешницу в вечерний лес и сберегли от жестокого поругания и бесславной смерти.

* * *

Светлые эльфы сказали правду и защитили ее в тот злополучный вечер, только Астейн об этом так никогда и не узнала.

В час, когда девушка искала убежища в самом сердце острова, в глубине непролазной чащобы, убийцы – люди и орки – из банды Ормульва Рыжего буквально по бревнышкам разобрали то, что не пожрал огонь. Ормульв, кряжистый широкоплечий воин, в грозном молчании переходил от одного истерзанного тела монашки к другому. Впрочем, убитых было немного. Нельзя никого убивать, по крайней мере, пока не найдут нужную.

Он наклонялся, хищные ноздри с шумом втягивали воздух, разочарованно выдыхал и шел дальше. Не доверяя инстинктам и обонянию, подносил к окровавленным лицам прозрачный серый камень: хозяйки обещали, что в нужный момент он загорится золотисто-желтым светом. Камень оставался серым.

– Здесь все? – прохрипел Ормульв, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Все, кого нашли, – острожно ответил приземистый полукровка, Харланд Угорь, и поспешно отступил от предводителя: тот славился непредсказуемостью и многие из дружины уже поплатились жизнью за неправильный ответ и дурную весть.

– Одной нет, – голос вожака звучал спокойно, вот только

веяло от него могильным холодом. – Ищите. Она рядом.

В этот момент раздался шелест веток и из ближайшего кустарника на поляну вывалился худой, сплошь состоящий из тугих мышц и покрытый татуировками орк.

– Там, – задыхаясь от бега, он показывал в сторону леса, – там Арфаг! Кто-то убил Арфага!

– Не кто-то, а она. – Черные глаза Ормульва хищно блеснули и сузились. – Ищите. Девка не могла далеко уйти! И не взумайте убить – хозяйкам она живая нужна!

Дружинники бросились к месту убийства Арфага, справедливо рассудив, что поиски следует начать именно отсюда. Люди уступили место оркам – никто не сравиться с ними в обонянии. Они быстро взяли след беглянки. Лес наполнился треском, топотом и хриплым дыханием.

Внезапно к этим звукам добавились новые – свист стрел и предсмертные вскрики преследователей. Один за другим воины Ормульва с глухими стонами тяжело оседали в густую траву, исчезали в зарослях папоротника или скатывались во влажные овраги.

Харланд Угорь припал к шершавому стволу мертвой сосны. Когда рядом раздался очередной предсмертный вопль, он, не поднимая головы, подполз к убитому орку и вырвал застрявшую в груди стрелу. Она обожгла мозолистую кожу ладоней – эльфийское оружие не предназначено для темных душ. А душа Харланда была соvrащена многие годы назад, когда еще мальчишкой убил он из-за мелкой обиды старше-

го брата, бежал из дома и скитался по приморским городам.
– Светлые эльфы, – сплюнул он, после чего завернул стрелу в кусок ткани и пополз назад.

Эта прискорбная истина открылась не только ему: оставшиеся в живых дружинники Ормульва ломались прочь из леса – с этим врагом им не справиться.

У Харланда Угря тот день явно выдался счастливым: он не только позабавился с монахинями, но и смог живым убраться из леса. Самое же главное – Ормульв Рыжий не оторвал ему голову, когда он, дрожа, протянул ему заговоренную эльфийскую стрелу.

Ормульв был жесток и вспыльчив, но в уме ему отказать никто не мог: когда он увидел, что осталось от его отряда и понял причину, то лишь вздохнул.

– Хозяйкам это не понравится, – боромтал он себе под нос, когда черный просмоленный корабль отходил от проклятого острова, – ох, как не понравится.

Одно утешало – в трюме рыдали восемь живых, хоть и не особенно здоровых монахинь. Этот товар пользовался неизменным спросом в некоторых не слишком удаленных землях.

* * *

Ноги вывели девушку к богатому многолюдному хутору, хозяин которого нередко доставлял провизию в обитель. Добрые люди накормили и напоили послушницу. Весть о гибели обители Святой Хранительницы Итенель уже давно

разнеслась по округе, а потому и спросили они: куда вознамерилась следовать та, что уцелела лишь чудом?

И тогда Астейн замерла в растерянности и глубоко задумалась. Домой нельзя. Монашкой же так и не стала.

Ответ внезапно пришел сам, словно всплыл из потаенных уголков сознания: замок Рогельтен. Следом же припомнилось и веснушчатое личико зеленоглазки Урсулы.

Другого пути не оставалось. Когда-то двоюродная сестра Ингвальда – Ингерн – была выдана замуж за верного слугу Благословенного королевства, воина и торговца, а ныне маркграфа Эрхарда Смелого. Как уж этот брак оказался возможен, никто знать не мог: то была тайная сделка двух семейств, замешанная на больших деньгах и торговых интересах. Эрхард в ранней юности сражался под предводительством воина-колдуна Бьяртмара Бешеного, родного дяди королевского мага и советника Овейна Белого. Эрхард участвовал в усмирении вождя гоблинов Серых топей, а после смерти Бьяртмара получил в управление Нордмарк. Торговые интересы прочно связали семьи Ингвальда и Эрхарда, и своих родственников Астейн знала неплохо. Ингвальд не мог рассказать им о преступной любви дочери и лесного эльфа, – гордость бы не позволила, – а значит, эти двери для изгнанницы будут открыты.

Так Рогельтен внезапно стал средоточием всех надежд на покой и защиту. Хотя бы временную. Об отдаленном будущем думать не хотелось.

Однако дорога во владения родни пролегла дальняя и не простая, ибо замок Рогельтен находился в пределах Верхних земель, а разоренная обитель пребывала во владениях короля Хенделана Лиса. Хозяин хутора вызвался подвезти девушку до Норхейма, не так давно захваченного Хенделаном, куда сам направлялся. В торговом городе не сложно найти компанию, с которой можно пересечь границу и добраться до маркграфства.

Позже, памятью возвращаясь в те дни, Астейн задавала себе вопрос: а отправилась бы глупая девица в замок Рогельтен, зная, что ждет ее там? И не находила ответа.

Дочери Тьмы затеяли с ней жестокую игру, о чем она тогда и не подозревала.

* * *

До Норхейма добрались без приключений. По прибытии, сразу отправились в купеческие кварталы, где год от года множились постоянные дворы. Город этот – вечный торговый праздник, ярмарка, чей шум не смолкает ни днем, ни ночью. И это был первый город, в который Ингвальд привез когда-то дочь. Норхейм пугал, манил, восхищал робкую девочку, неотступно следовавшую за родителем. Она тогда так боялась отстать и заблудиться в лабиринтах рынка!

Через все поселение бежала маленькая речушка, от которой разбегались каналы. Деревянные настилы и мостки заметно облегчали передвижение. За строительством здесь надзирал Совет Старейшен, потому аккуратные улицы отхо-

дили от ручья либо под прямым углом, либо шли параллельно ему. Так повелось еще с тех пор, когда город был частью Благословенного королевства, его северным форпостом. Хенделан после захвата ничего менять не стал, ибо был правителем мудрым. Кому не нужен богатый торговый город? Он не тронул и местных купцов. Вот только дядюшка Эрхард, как говорил отец, все потерял в Норхейме: король Хенделан лишил имущества тех знатных дворян, кто служил королю Анлауду. Здесь торговали жители островов, цверги, слышалась речь лесных и горных эльфов. Именно в Норхейме впервые встретила Астейн купцов с далекого юга, чей вид потряс ее своей яркостью. Поговаривали, что здесь проживает более четырех тысяч человек постоянно! Про торговцев и говорить не приходится – счету они не поддаются.

Над Норхеймом высился храм Предвечного Света. Выстроенный из серых валунов и богато украшенный резьбой, он хмуро взирал на торговую суету с высокого холма, а острое копьё башни-колокольни царапало отчего-то всегда слишком низко ползущие над этим городом облака. Несколько широких земляных валов опоясывали город, разветвлялись и тянулись дальше, к укрепленной границе между королевством южных нордеров и Верхнеземьем.

Добрый хуторянин решал свои дела с местными купцами, ну а попутно устроил и судьбу несчастной послушницы: в одном из постоялых дворов он разговорился с группой местных торговцев и мастеров—ремесленников: они направля-

лись в Ансгахалл через Нордмарк.

Оказались то дальние родственники Рагнар и Бьерн, и их друг, Ислейв, сын Торварда Морехода. Огонек надежды погас в Астейн столь же быстро, сколь и зажегся. За главным у них был Рагнар, тип неприятный, толстый и одышливый, на борова похожий, с узкими глазами—щелочками. Отчаяние с новой силой охватило девушку, когда взору предстало его изумленное до крайности лицо, едва купец понял, за кого просит хуторянин. Рыжие гусеницы бровей толстяка доползли до самых корней волос, а пухлые блестящие губы дрогнули и скривились в насмешливо-презрительной улыбке. Взгляд водянистых глаз чудесным образом обратил ее в маленькую дурно воспитанную девочку, нуждавшуюся в хорошей порке. Брат несостоявшуюся монашку он на отрез отказался, тем более, когда узнал, что платить ей нечем. Бьерн был не против, но спорить со старшим товарищем не желал.

Вряд ли добралась бы Астейн до дядюшкиного замка, не вмешайся в разговор подошедший Ислейв. Рокочущим низким голосом, от которого мурашки бежали по спине, а к щекам прилиwała кровь, он заявил, что «несчастливая девушка обузой не станет» и берет он «бедняжку» под свою личную защиту и покровительство. Голос этот прозвучал за спиной, а когда она обернулась и увидела светло-карие, почти янтарные глаза и завитки золотых волос, обрамлявших высокий лоб, то силы едва не оставили ее. Пришлось

незаметно опереться бедром о залитый пивом стол. В тот миг Астейн поняла, что является абсолютно несчастной девушкой, безусловно нуждающейся в защите и покровительстве этого человека.

Возражений со стороны купцов не последовало. С ее – тем более. «Бедняжка» тогда вообще лишилась дара речи, потому как захлебнулась в янтарном море веселых глаз Ислейва, сына Торварда. К стыду своему Астейн вынуждена была признать – милый лик Ульвейна в тот миг подернулся туманной пеленой.

Скрывать, что бежала из разоренной обители Святой Хранительницы Итенель она сознательно не стала – решила сыграть на жалости. В конце концов, с первых дней мира известно, что сила женщины в ее слабости. В итоге выехали они из Норхейма большой, хоть и не слишком дружной, как девушка поняла по неприязненному молчанию Рагнара, сына Свана, компанией.

В дороге Бьерн, почитавший себя великим сердцеедом, бросал на послушницу масляные взгляды, которые не оставляли сомнений в его грешных мыслях. Белокурый Ислейв, заметив явный интерес компаньона к несчастной беглянке, решительно отогнал похотливого греховодника. Благородный юноша наивно полагал, что рыжебородый Бьерн представляет угрозу девичьей чести.

Астейн всё больше старалась молчать, ибо знала, что язык – ее злейший враг. Увы, не всегда это удавалось. Раг-

нар, мало ему было своих забот, словно задался целью вывести навязанную ему спутницу из себя.

– Приличные девушки по домам сидят, приданое готовят, а не по дорогам шляются. Виданное ли это дело – одна с незнакомыми людьми! Не пристало девице так себя вести!

– Когда в следующий раз решу я спалить обитель, то непременно припомню твои мудрые слова, Рагнар, сын Сва-на.

Так, лениво покусывая друг друга, пересекли они границу и углубились в леса Нордмарка.

В отличие от прочих частей Благословенного королевства, в овейных божественной благодатью северных землях давно уж воцарилась великая гармония Храма и герцогов. Не случайно дабы уберечь от нечистых помыслами, в эти края свезли мощи многих святых хранителей, от чего земля здешняя приумножилась благостью. За это местные жители неустанно возносили хвалу Предвечному Свету и Деве-Матери.

Про местную благость Астейн мало что знала, но тоскливые пейзажи Нордмарка во сто крат утяжеляли ее и без того тягостные мысли. Черный, напоенный дождями и уже слегка позолоченный дыханием осени лес на границах королевства дышал топкими болотами и скрывал мрачные тайны. В шелест листьев и птичий гомон вплетался волчий вой, вселяя страх и напоминая об оборотнях, коими славились здешние чащобы. Шайки разбойников и людоедов, опасные колдуны

и ведьмы, неуспокоенные души – много было тех, кто нарушал покой этой земли, затруднял передвижение купцов и паломников, не взирая на святые мощи и возводимые храмы.

Наслышанная обо всех опасностях, девушка напряженно вглядывалась в придорожные заросли, в тревожном ожидании нападения, и едва удержалась от крика, заметив на обочине у огромного серого валуна сутулую босую старуху. В тот миг она могла поклясться, что появилась та из ниоткуда, словно лесная тень чудесным образом обрела плоть. Длинные спутанные седые пряди ниспадали почти до земли, закрывая лицо, но Астейн ощущала ее взгляд. Он выворачивал душу наизнанку. Старуха едва слышно что-то бормотала.

Дыхание на миг пресеклось, ужас вдавил девушку в скрипучую телегу. Удивительное дело – никто из спутников более не видел и не слышал древнюю как обступивший их лес, ведьму. А в том, что это ведьма у Астейн никаких сомнений не было. Что означал этот таинственный шепот? Уж не грозное ли проклятие, коим вознамерились ее известить? Мало прочих бед, вот только ведьминых проклятий не доставало!

Горькая обида и возмущение вернули Астейн, дочь Ингвальда, к жизни. Да за какие такие грехи ей на голову все эти несчастья?! Набрав в грудь воздуха, и вспомнив все ругательства батюшки, она собралась обрушить их на голову незнакомки, пока купцы не отъехали слишком далеко. Однако, на обочине уже никого не было. Ведьма растаяла в сыром и стлом воздухе.

В тот миг Астейн решила, что постигшие ее беды все же повредили рассудок и породили новую проблему – необходимость тщательно скрывать безумие. Плотнo сжав губы и прикусив язык, она ни слова не сказала спутникам о виде-нии.

Из записок Аделины Отшельницы

«Иного пути Дева-Мать не оставила. То был путь очищения, и мне суждено было пройти его до конца. Судьба уж изготовилась совершить новый поворот, а я вдруг ощутила острое желание перемахнуть через придорожную канаву и бежать в незнакомый лес, какие бы тайны не хранила чащоба. И лучше быстрая смерть от ведьминого колдовства или волчьих зубов, чем изматывающее ожидание неизвестности.

Одного я не знала: Дочери Тьмы хорошо подготовились к кровавой охоте, расставив силки на каждом повороте моего извилистого пути. И быстрая смерть изгнанницы в их планы не входила».

Глава IV

Убийства и поцелуи

Мэйв умела считать, и делала это получше многих. Дочь Хромого Гверна ставила науку счета превыше прочих наук. Читать она тоже была обучена, – тетка постаралась, – да только угадывать буквы и складывать их в слова девица находила пустой тратой времени. Другое дело счет. Вот и сейчас, возвращаясь с затянувшегося до утренней зари любовного свидания и весело прыгая с кочки на кочку, она подсчитывала скопленные богатства.

Завтра ее в этом вонючем городишке не будет. Мэйв уже и с купцами загодя сговорилась, чтобы с их караваном уйти. И никто о том не знает, даже Беата не догадывается, что все уже решено. От подруги дочь Хромого Гверна планов не таила, вот только о дне отъезда ничего не сказала – мало ли что. Теперь у нее достаточно денег и драгоценностей, чтобы бежать подальше от этих гнилых болот. Да, на жизнь в столичном Ансгахалле скопить не удалось, но уж на Бронгард или Мангберг точно хватит. И пусть мать с теткой на ядовитую слюну изойдут!

Мэйв полной грудью вдохнула бодрящий утренний аромат осенне-грибного леса, представила все припрятанные ценности и удовлетворенно улыбнулась. А если еще приба-

вить бархатный кошель этой дуры Гертруд! А потом перед мысленным взором предстало вытянутое лицо тайного любовника. Тут уж дочь Хромого Гверна и вовсе не смогла удержаться от смеха: вот ведь олух! Одна польза – денег на нее не жалеет. Ни своих, ни чужих. И каково это ему будет, когда узнает, что пташка упорхнула?

Окрыленная радостными надеждами, Мэйв не услышала ни тихого треска сырых веток, ни тяжкого, с присвистом дыхания. Сильный удар между лопаток прервал искристый поток мыслей. Девушка упала в мокрую от росы траву, и едва не ударилась лбом о корявый пенёк. Страх заставил тело действовать быстро. Она перевернулась на спину, рука метнулась к складкам платья, пальцы обвилились вокруг костяной рукояти кинжала.

– Сбежать удумала! – Перед ней стоял Зверь, и в мутных глазах его Мэйв читала приговор.

– Нет, нет, нет! Я никуда не собиралась бежать! – В ужасе девушка ползла по траве, и сосновые иглы пребольно впивались в ладони. – Ты же меня знаешь – никого нет в этом мире более преданного хозяйкам, чем я!

Ответом стал лишь сиплый хохот Зверя. Уж Дочерям Тьмы доподлинно известно, что собираются делать братья и сестры из Лиги Послушных Зову! И Мэйв об этом должна была догадываться.

Зверь кинулся на распростертую жертву. Ему разрешили поиграть с ней немного. Главное не калечить: Дочь Кровавой

Скорби желает получить это крепкое и молодое тело. А вот душу нужно отпустить – пусть послужит общему делу.

– Была ты неверной слугой, теперь станешь вечной рабыней! – Зверь жадно оглядел трепещущую девицу. Тонкая ниточка слюны сорвалась с дрожащих губ.

В следующий миг Зверь хрипло вскрикнул – сверкнул острый кинжал, и изогнутое лезвие вошло под ребра. Волна ярости захлестнула посланца Дочерей Тьмы. Надсадный вой вырвался из груди, тяжелая рука наотмашь ударила девицу по бледному, перекошенному ужасом лицу. Последнее, что увидела Мэйв, прежде чем хрустнули шейные позвонки, – это разочарование на морде Зверя.

Игра была испорчена.

Поскуливая от обиды, Зверь подхватил обмякшее тело и водрузил его на плоский, будто каменный стол, мшистый валун. Сначала отпустить душу, потом отнести тело – снова и снова он проговаривал про себя последовательность действий, чтобы унять ярость и заглушить боль под ребром. Убийца достал из-за пояса жертвенный кинжал и одним взмахом разрезал платье на груди мертвой девицы. Тонкое лезвие коснулось белой кожи. Несколько точных движений, и Зверь мог полюбоваться на первую кровавую руну на белой коже.

Высокий раскатистый звук охотничьего рога заставил его вздрогнуть и прервать священную работу. Вот, ближе! Топот копыт, лай собак, снова пение рога. Никак граф Эрхард ре-

шил поохотиться?! Как же это не вовремя! Злобное рычание растеклось по примятой траве. До чего же неудачное утро!

Лай собак приближался с каждым мгновением. Треск кустов заставил Зверя оставить свою затею: что ж Мэйв, не будет твоя душа в вечном рабстве. Повезло, значит. Хотя, кто знает – может, Черный Рыбак и выловит ее из Реки Душ. И тогда все для тебя повторится.

Собаки вырвались на лужайку и замерли. Тоскливый вой разнесся по окрестным лесам. Гончие не видели Зверя – на валуне остался лишь труп девушки.

Они чувствами след Тьмы.

* * *

Брат Бедвин, монах из ордена Босоногих Братьев, ничего не знал о смерти Мэйв, но если бы узнал, то не слишком бы и удивился: не она первая, не она последняя. Смерть в этих лесах поселилась надолго – приближение Лабиринта пробудило дремавшее зло. Не осталось никаких сомнений, что адепты Лиги Послушных Зову накинули сети на маленький город Унторф. А сколько еще таких городков по окраинным землям Благословенного королевства? Проклятые души точно следуют указаниям Дочерей Тьмы, опережая слуг Предвечного Света на несколько шагов.

Теперь брат Бедвин доподлинно выяснил, что одна из Дочерей Тьмы – Дочь Кровавой Скорби – обрела телесный облик и проникла в эти места. Удалось вызнать даже некоторые имена ее слуг из Унторфа. Вот только одному ему с ними

не справиться. Нужно поспешить в Бронгард, доложить обо всем властям, а прежде прочих – Адаону Старому, Верховному жрецу северных земель. Уж он точно знает, что делать дальше.

Тревожные мысли ни на миг не оставляли плотно сбитого рыжебородого монаха, в то время как расторопные руки быстро укладывали нехитрые пожитки в заплечный мешок. Лишь тихий скрип заставил его прервать размышления и резко оглянуться: сейчас он должен проявлять крайнюю осторожность и стараться никого к себе и близко не подпускать. Зло может принять любой облик – хоть торговли пирогами, хоть немощного старика.

В доме Клида Травника, старого друга, опасаться было нечего. Вот и сейчас на пороге комнаты застыл вовсе не демон с огненными очами, а всего лишь Трайн, сын Клида. Худенький светловолосый отрок грустно смотрел на монаха.

– Уходишь? – тихо проговорил он, хотя это и без всяких слов было понятно.

– Нужно поспешить в Бронгард. Я бы мог придумать любую причину, но не стану этого делать. Трайн, в Унторфе поселилось великое зло. Будь крайне осторожен. Не выходи без надобности за городскую стену. И следи за отцом – Клид уже не молод, а потому вся надежда на тебя.

– Ты говоришь о Проклятой Обители? Так значит это правда, что она ожила? И все эти мертвые девушки на болотах – все из-за этого? Здесь только и говорят, что о нахцере-

ре – это их посланник, да?

– Понимаю, что вопросов много и я не смогу ответить на все, но про Обитель ты прав. И бойся не нахцера – бойся людей. Помнишь, что я рассказывал про Лигу Послушных Зову? Ее адепты повсюду! Сложней всего распознать зло в человеческом обличье. Мне пора, Трайн, но я вернусь. Вернусь с другими служителями Предвечного Света и рыцарями. Мы вытравим это гнездо зла.

Бросив последний взгляд на маленькую комнату под самой крышей, наполненную ароматами сушеных трав, брат Бедвар прошагал к лестнице. Трайн не сводил с монаха испуганный взор. Бедвару стало невыразимо жалко несчастного мальчишку, оказавшегося слишком близко к Тьме.

– Помни Трайн, оглядывайся по сторонам! – Взъерошив напоследок льянные волосы отрока, монах быстро спустился в лавку.

Клид Травник мирно дремал за прилавком.

– Клид, я ухожу.

– Полагаю, нет смысла спрашивать куда уходишь и когда вернешься? – Травник приоткрыл сонные глаза и едва заметно улыбнулся.

– Как обычно. – В этот миг монах остро осознал, что впервые ему не хочется никуда уходить.

– Возвращайся, Трайн скучает. Думаю, в Унторфе всегда найдется дело для монаха из ордена Босоногих Братьев.

Бедвар только кивнул. Дел здесь и правда хватит. Причем,

не на одного монаха. Глубоко вздохнув, он решительно шагнул прочь из теплого уютного полумрака лавки.

Утренняя торговая суeta города обтекала его, будто вода – речной валун. Монах торопился к воротам. Поток торговцев и крестьян вынес его прочь из Унторфа, главного города Нордмарка, владения маркграфа Эрхарда Смелого.

Бедвар не боялся ходить в одиночку по дорогам Благословенного королевства – даже лихие люди не рисковали обидеть монаха из ордена Босоногих Братьев под угрозой вечного проклятья. Да и брать у него нечего – это все знают.

Спеша на юг от города по Большому тракту, он обогнал несколько групп лениво бредущих крестьян и груженные товаром купеческие телеги. Дружинники, нанятые купцами для охраны, с опаской вглядывались в одинокого путника. Распознав в нем монаха, успокаивались.

До полудня шел без остановок. Когда же солнце достигло зенита, Бедвар понял, что устал. Все-таки годы берут свое. Даже молитвы перестали поддерживать утомленное тело. Настало время подкрепить себя чем-нибудь более существенным. Свернув с тракта, он продрался через придорожные кусты и устроился на небольшой лужайке под древним дубом. Пирог с курятиной, румяное яблоко и несколько глотков травяного отвара из запасов Клида – еду Бедвар распределил на всё время недолгого странствия. К ночи он предполагал дойти до Валштедта. А там еще три дня пути до Бронгарда. Если все пойдет хорошо, но ночевать в лесу не при-

дется ни разу.

Передохнув, Бедвар уже собрался вернуться на дорогу, когда услышал детский голосок, звонко выводящий развеселую песенку. Монах уже несколько раз ходил этой дорогой, но даже не догадывался, что поблизости есть хутор.

Он пересек лужайку, спустился в маленький овраг и увидел крохотное озеро – почти что лужу. Там, на топком берегу играла девочка лет десяти. Бедвар разглядел несколько соломенных кукол и беличьи шкурки, – видимо подарок щедрого родителя, – в которые дитя кутало соломенных «королев».

– Доброго дня, девочка! – окликнул он ребенка, – ты не пугайся. Я просто хотел узнать, откуда ты. Здесь хутор неподалеку?

Но та и не думала пугаться. Она даже не обернулась на голос монаха, и продолжила мирно играть и напевать песенку.

Вот ведь бедная девочка! Брови Бедвара скорбно изогнулись: ребенок оказался глухим. Осторожно подойдя к ней, монах замер, не решаясь прикоснуться – ведь он может напугать несчастную до полусмерти! И как только родители отпускают калечное дитя вот так, в одиночестве?

Бедвар опустился на колени, сотворил короткую молитву и осторожно, кончиками пальцев коснулся ручки-тростинки. Девочка перестала играть. Песенка оборвалась.

Крик замер на устах брата Бедвара, когда дитя резко развернулось, и он увидел сморщенное старушечье лицо с невы-

разимо злобными водянистыми глазами. Тонкая рука ядовитой змеей рванулась к нему. Острые когти-кинжалы пробили грудную клетку онемевшего монаха, сокрушив ребра. Бедвар задохнулся от боли. Кровь хлынула горлом и вместо крика на губах вздулись алые пузыри.

Он был еще жив и видел, как девочка-старушка впи-лась маленькими желтыми зубами в его вырванное сердце. По острому подбородку жуткого создания заструилась кровь.

Теперь никто не помешает Дочерям Тьмы встретить долгожданную изгнанницу.

* * *

Лес постепенно редел. Позади остались ночевки в холодном влажном лесу. Казалось, озноб навсегда поселился в теле Астейн. В горле першило, а волосы и одежда насквозь пропитались конским потом и гарью костров. Купцы въехали на высокий холм. Впереди, за полями и рощей, к окрашенному предзакатным багрянцем небу взметнулись величественные башни замка. С другой же стороны, почти напротив, вздымалась над верхушками сосен мощная башня городского храма, словно вступая в молчаливый спор с замком.

Сердце девушки сжалось в томительной тоске, по телу прошла волна нервической дрожи. Глубоко вздохнув, Астейн попыталась успокоиться.

Перехватив встревоженный взгляд спутницы, Ислейв ти-

хо спросил:

– Будто и не рада ты?

– Последний раз я видела родственников четыре года назад. Все могло измениться за это время.

– Да, времена здесь нелегкие были. – Ислейв замолчал, а потом добавил: – Если вдруг нужда возникнет – мы останавливаемся на подворье нордеров, у Толстого Вернера. Прими совет – сведи с Вернером и его женой знакомство, бесполезным оно не будет. Если по городу ходит новая сплетня – знай, вышла она из дверей «Северного путника».

Астейн кивнула, едва вслушиваясь. Мысленно она проговаривала легенду, заготовленную для родственников. Слухи о сожжении обители Святой Хранительницы Итенель скорее всего уже достигли этих земель, да эту часть своей жизни и незачем держать в секрете.

Другое заботило девушку: родственники не должны узнать о причинах, по которым она оказалась в обители. Кто в здравом уме примет проклятую отцом изгнанницу?

Рассталась она с купцами на развилке, когда по левую руку на холме возвышался замок, а по правую, вниз с холма, бежала широкая дорога к городу. Спрыгнув со скрипучей телеги и едва не вскрикнув от боли, – до того затекли ноги, – Астейн коротко простилась с купцами, вежливо пообещав заглянуть на подворье, и направилась в сторону замка.

Дорогу развезло после дождя, и девушка, взбираясь на холм, то и дело пыталась растянуться в жирной, блестя-

щей в розовом свете заката, грязи. По обе стороны тянулись полуземлянки, предназначенные для замковых людей. Над некоторыми вился сизый дымок, но большинство казались нежилыми. Обитатели землянок попадались редко, в основном женщины с усталыми серыми лицами и трясущиеся старухи. Они провожали незнакомку долгими подозрительными взглядами, от которых по спине бежали мурашки. Растущая тревога, заставила ускорить движение.

Так в год 985 от воплощения Всеблагой Девы-Матери, в час, когда Око коснулось верхушек сосен, девица двадцати лет от роду стоя перед закрытыми воротами с недоумением взирала на серую громаду замка Рогельтен. Впервые приходилось ей видеть строение столь могучее. Возведенный во времена не слишком давние по приказу Анлауда I, намеревавшегося использовать его для наступления на земли южных нордеров, замок был еще более укреплен уже после первых крупных побед над строптивыми северянами. Рогельтен защищал земляной вал, за которым скрывались глубокий ров и прочные стены. Мощная круглая оборонительная башня внимательно надзирала за окрестностями. За ней же, словно младшая сестра, высилась башня квадратная, – жилистая, – увенчанная тонким шпилем.

После теплого дерева усадьбы, Астейн была уверена, что эта холодная каменная громада для жизни непригодна, но от врагов суровые стены и башни замка, безусловно, должны защищать лучше стен деревянных.

К замку вели два подъемных моста, перекинутых через ров, – один к широким закрытым воротам, обитым листами темного железа, а второй – к узкому арочному проходу, через который мог протиснуться лишь один человек. Долго бы еще в растерянности девушка созерцала ворота, не зная, куда же идти, если бы сверху, из надвратной башенки, не раздался зычный надтреснутый голос:

– Эй, красавица, просто поглазеть пришла или надо чего?

Большерукая да большеногая, красавицей дочь Ингвальда себя с роду не считала, а потому сразу и не поняла, – видимо от усталости, – не то на ехидный тон обидеться, не то нежданному compleменту порадоваться. С детства она не любила терпеть издевки, но вступать в пререкания с невидимым собеседником в тот раз совершенно не хотела. Оттого не состязаясь в остроумии, просто выразила желание увидеть графиню Ингерн.

– И зачем же она тебе понадобилась? – продолжал насмешничать невидимка, явно не собираясь пускать путешественницу.

– А тебе для дела или просто любопытный такой? – не удержалась Астейн.

В баше послышался хриплый смешок, приглушенные сердитые голоса, а потом все тот же невидимка сердито сообщил:

– Возвращалась бы ты, красавица, в город: ночь уж скоро, а края у нас не спокойные. Хотя, можешь и перед воротами

заночевать – все развлечение.

Прекрасно понимая, что он не шутит, девушка придумала гордость – перспектива провести ночь под открытым небом ничуть не радовала, – и ровным голосом проговорила:

– Меня зовут Астейн, дочь Ингвальда, племянница графини Ингерн, иду из разоренной обители Святой Хранительницы Итенель.

И не надеясь на результат, была приятно удивлена, когда через непродолжительную паузу ей почти вежливо было сказано:

– Так проходи, Астейн, дочь Ингвальда, чего встала. Куда пошла?! В боковой проход иди, не ворота же открывать – вроде ты не телега.

Она протиснулась через узкую арку и оказалась перед огромной круглой башней, мрачной и уродливой. Серым троллем она высилась над хозяйственными постройками.

– Я послал за графиней. Сейчас про тебя скажут, – вывел уставшую путницу из глубокой задумчивости давешний голос, обладателем которого оказался низенький, крепко сбитый мужичонка неопределенного возраста с мясистым красным носом.

Его маленькие хитрые глаза изучали ее с превеликим любопытством. Отвесив насмешливый поклон, он представился Вигбертом. Внутренний голос подсказывал Астейн, что с этим человеком друзьями они не станут.

– Нашел во мне что-то особенное? – поинтересова-

лась она.

– Да как не найти: не каждый день к нам приходит чумазая девица, почитающая себя телегой, от которой несет конским потом так, что мухи на лету дохнут.

– Я же не пешком шла! – задохнулась девушка от наглости, и зачем-то пустилась в объяснения, но замолчала, увидев на изъеденном оспинами лице издевательскую ухмылку.

От дальнейших пререканий избавило появление родственников. Откуда-то, видимо из второго внутреннего двора, к Астейн спешила высокая светловолосая женщина: то была графиня Ингерн. Она быстро оправилась от изумления, узнав, что ее племянница стоит во дворе замка.

Однако, не графиня первая заключила дочь Ингвальда в объятия: что-то яркое и громко кричащее обогнало хозяйку Рогельтена, едва не оттолкнув, налетело и попыталось задушить. Девушке потребовалось время, чтобы признать в визжащем существе кузину Урсулу, сильно похорошевшую с тех пор, как последний раз они виделись в Норхейме. Более других Астейн была рада видеть именно троюродную сестру, но кто бы мог подумать, что она окажется столь красива! Два слоя ткани, – зеленая и синяя, – удивительным образом оттеняли нежность кожи, золото густых локонов и подчеркивали изумрудное сияние глаз. Узкое глухое платье, призванное скрывать тело, ленточной шнуровкой и узорчатой каймой наоборот, подчеркивало его тонкость и грацию. Когда девушки обнимались, и пальцы Астейн ощутили нежный

шелк, зависть шевельнулась в глухих закоулках души.

– Урсула, ты ведешь себя неприлично! – графиня Ингерн попыталась привести дочь в чувства. Потом посмотрела на племянницу долгим изучающим взглядом, едва заметно улыбнулась, и тихо проговорила: – Астейн, как ты уже поняла, мы рады видеть тебя. Только что за странный вид? И где Ингвальд? Он не извещал о своем визите!

Кратко и сбивчиво Астейн поведала о событиях в обители Святой Хранительницы Итенель, повергнув родственников в ужас. О гибели обители они уже знали от заезжих купцов, но кто мог предположить, что там окажется дочь Ингвальда!

Урсула крепко сжимала руку кузины, словно боясь, что та исчезнет. Вопросы верткими ящерицами рвались на язык, отталкивая друг друга:

– Как тебе удалось вырваться? Это ужасно! Они всех убили? Как же ты смогла добраться? Так ты еще не стала монахиней?

– Умолкни. Не заставляй Астейн жалеть, что ее не зарезали в обители, – сказала графиня, и Урсула подавилась очередным вопросом.

За спиной Ингерн появились ее сыновья – белокурый стройный Конрад и совсем еще юный Рауд, которого до сей поры Астейн не знала. Он был еще слишком мал, чтобы принимать участие в торговых операциях Эрхарда Смелого, когда семьи встречались в Хонгарде и Норхейме. Они встали чуть поодаль и сдержанно, как положено мужчинам, улыба-

лись, снисходительно глядя на щебечущую сестру.

– Отец будет рад увидеть тебя после стольких лет. – Ко-нрад, молодой человек двадцати одного года, пытался сохра-нять взрослую серьезность, соответствующую рыцарю и на-следнику замка, но губы подрагивали и складывались в пре-дательскую улыбку.

Это были далеко не все, кто встретил бездомную скита-лицу во дворе. Чуть поодаль, держась за руки, стояли две златовласые копии Урсулы, лет десяти не более, – младшие сестренки-близняшки, Адальгис и Фархильд. Графиня ока-залась весьма плодовита и рожала своему мужу на редкость крепких и здоровых детей. Будто бы духи предков кружи-ли над головами отпрысков Эрхарда и его дражайшей супру-ги, отгоняя бесчисленные хвори и коварных демонов, увы, слишком часто воровавших души младенцев у менее удач-ливых родителей.

Молчаливыми стражами за детьми возвышались две де-вушки. Скромные коричневые платья выдавали служанок. Одна крупная, розовощекая и пышногрудая, настоящая де-ревенская красавица. А вот вторая... Ее тоже можно было бы назвать красивой, только красота эта отличалась странной болезненностью. Бледная, почти прозрачная, словно при-зрак с серебристыми волосами, она внимательно вглядыва-лась в незваную гостью.

Сердце Астейн сжалось и заныло: злая насмешка черной искрой мелькнула в глазах бледной служанки. Мелькнула,

и тут же угасла, будто убоялась собственной дерзости.

С дядюшкой, графом Эрхардом, Астейн увиделась уже в зале огромной жилой башни, куда проводил кухню Конрад. Несложно было догадаться, что сумрачное помещение с гербами и огромным очагом предназначено для трапез. Тетя Ингерн и Урсула поспешили дать распоряжения прислуге на счет гостыи.

Дядя остался таким, каким она его запомнила: суровый пронзительный взгляд холодных серо-стальных глаз, густые брови, высокий лоб, тяжелая нижняя челюсть. В нем было много от хищника, готового в любую минуту броситься на свою добычу.

Поймав на себе его пристальный взгляд, Астейн похолодела. Нет, это исключено – он ничего не мог знать. Ингвальд бы ни за что не стал рассказывать, за что он проклял дочь.

Граф Эрхард поднялся из-за стола и направился к племяннице.

– Здравствуй, Астейн! Вот уж удивила, так удивила!

Девушка на мгновение задохнулась в жарких медвежьих объятиях. После голоса дяди любой другой голос показался бы мышинным писком. А уж свой собственный она вообще едва слышала и узнавала, ибо говорить не дыша была не обучена. Осторожный шаг назад позволил избавиться от навязчивого острого запаха зверя и восстановить дыхание.

Громкий шум внезапно заполнил гулкое помещение, заставив девушку вздрогнуть, а графа сурово нахмуриться.

– Кто тут новая родственница? – раздался скрипучий старческий голос. – Покажите мне ее немедленно!

В зал вкатилась маленькая бойкая старушка, а вслед за ней заметно побледневшая Ингерн и едва сдерживающая смех Урсула. У Астейн создалось впечатление, что графиня пытается отловить пожилую даму и вернуть туда, откуда та явилась.

– Это Ута Ренсбургская, моя тетка, – быстро пояснил граф, пока старушка бодро пересекала обширное пространство зала. – Она рано лишилась мужа, мы не могли ее оставить... Но ведь семья должна держаться вместе и помогать друг другу в трудную минуту, не так ли тетушка?

Ута Ренсбургская бросила на графа насмешливый взгляд:

– Мой племянник никогда не забывает напомнить о безмерной доброте, проявленной к несчастной вдове. Милый Эрхард, я беспрестанно возношу молитвы о твоём здоровье! А ты, стало быть, наша новая родственница.

У старушки оказался живой пытливый взгляд и весьма цепкие пальчики, которыми она принялась зачем-то пощипывать и вертеть изумленную гостью.

– Мы здесь, в глуши, понемногу дичаем, – извиняющимся тоном проговорила подошедшая графиня Ингерн. – Тетушка, возможно жареные куропатки смогут заинтересовать тебя не меньше Астейн, да и ей не мешает подкрепиться.

Напряжение между Ингерн и Утой не могло не броситься в глаза, но бесприютной страннице удалось сделать вид,

будто пережитые несчастья привели к полной потере слуха и зрения.

* * *

Как оказалось, явилась Астейн напрямиком к вечерней трапезе. В зал уже занесли длинные столы. Статные девушки под началом среброкудрой молчаливой служанки со странным именем Айне разбрасывали по полу душистые травы и яркие осенние цветы. Потекли дразнящие ароматы меда, кислого вина, ржаного хлеба и жареного мяса. Граф что-то шепнул молодому курносому дружиннику. Тот важно кивнул, и через пару мгновений на столе появились глиняные кувшины.

– Он хочет блеснуть перед тобой, – шепнула Урсула.

Ее замечание стало понятно, когда в горло пролились первые капли красного вина. В тот же миг слезы замутнили и без того не слишком ясный от усталости взор, а во рту запылало жгучее пламя. Сидящая рядом Урсула захихикала:

– Он всегда приказывает сыпать специй не жалея, если к нам кто-нибудь приходит.

– Но что с вином? – в горле разгорелся настоящий пожар.

– Перец, – пояснила кузина.

Астейн воспользовалась кратким затишьем, и безо всякого стеснения набросилась на еду. В конце концов, беженке, проделавшей столь долгий путь, не пристало смущаться. Однако, голод не помешал украдкой изучать обстановку. Казалось, Хозяйка Леса или Предвечный Свет с Девой-Матерью

излили на ее родственников все запасы красоты. По правую руку от графа Эрхарда восседала Ингерн. Пурпурная накидка и тяжелая золотая диадема придавали ей удивительно царственный вид. Незримый лед сковал тонкие черты ее лица, сделав их неподвластными времени. По левую руку от отца с важным видом сидел красавчик Конрад. В свои двадцать один он не уступал отцу ни в росте, ни в ширине плеч, но лицом все же походил на мать.

Рядом с ним, смешно копируя каждое движение старшего брата, примостился розовощекий четырнадцатилетний Рауд. Отрок с гордостью сообщил Астейн, что вскоре станет оруженосцем у какого-то благородного рыцаря, дальнего родственника графа Эрхарда. Конрад счел своим долгом тут же внести уточнение, что эти планы могут измениться в любой момент, ибо сей родственник сошелся недавно с Рутгером Хромым, младшим братом покойного короля, чем и заслужил немилость Форгейн Молчуны. Кузен, возможно, рассказал бы еще немало интересного, но дядя бросил на него столь красноречивый взгляд, что тот лишился дара речи до конца трапезы.

Между Ингерн и Урсулой старенькая Ута Ренсбургская сосредоточенно разглядывала выставленную снедь. Мучительная борьба желаний и возможностей явственно отражалась в каждой морщинке воскового лица. Графиня, заметив мучения пожилой родственницы, любезно посоветовала той ни в чем себя не ограничивать.

– Если ты надеешься, что я умру от несваренья, – проговорила Ута с набитым ртом, – то зря: Предвечный Свет уготовил мне длинный список земных дел.

В ответ Ингерн пробормотала что-то вроде «надеюсь, мы хотя бы перевалили за середину».

На другом конце стола беспрестанно шептались и хихикали Адальгис и Фархильд. За их спинами возвышалась плотно сбитая розовощекая девушка – служанка Гертруд. Вторая же, – Айне, – безмолвной бледной тенью неподвижно замерла за спиной графини, готовая выполнить любое распоряжение хозяйки. Астейн случайно стретилась с ней взглядом, и невольно передернулась: холодный, рыбий, он более подходил мертвецу, чем живому человеку с горячей кровью в жилах.

Напротив же оказался высокий и худой служитель Предвечного Света, жрец Каснар. Как пояснил граф – «почти член семьи». Белокожий, с тонкими чертами лица и небесно-голубыми глазами, он почти ничего не ел, зато оказался весьма приятным собеседником. Огромные глаза, форма ушей, тонкая кость и изящные манеры, указывали на примесь крови эльфов. Впервые девушке довелось видеть столь привлекательного жреца-полукровку. Ей казалось, что слуге Девы-Матери и Предвечного Света подобную наружность иметь не пристало. На родине дочери окрестных хуторян шептались, будто от любви эльфов и людей получают очень красивые дети. Теперь Астейн могла убедиться в прав-

дивости наивных детских рассказов. А еще, густо покраснеть, ибо Каснар невольно напомнил ей Ульвейна и их преступную связь.

В очередной раз живописала дочь Ингвальда все ужасы того вечера, когда была сожжена обитель Святой Хранительницы Итенель. Кровавые подробности смогли отвлечь девочек от болтовни, а Рауда от беспрестанного копирования брата. Оставалось лишь удивляться детскому жестокосердию. Глаза этих милых созданий во время рассказа светились неподдельным любопытством и восторгом. Ответив на неизбежные вопросы и выслушав положенные соболезнования, на несколько благодатных минут Астейн была предоставлена самой себе, и вновь накинулась на еду.

Адальгис и Фархильд что-то вновь начали обсуждать, и, даже словно бы спорить, а потом, в наступившей внезапно тишине, хором прокричали:

– А у нас Мэйв убили. Это наша служанка. Шею свернули!

Прозвучало это так, словно девочки хотели похвастаться ярким событием. Эхо детских голосов еще долго отскакивало от каменной кладки стен.

– Да, – подхватил Рауд, – отец ее сам нашел, когда мы охотились. Она еще теплая была!

– Ее нахцерер убил, но тело сожрать не успел и кровь даже не выпил – папа помешал! – Алый румянец расцвел на щеках близняшек. – И тебя сожрет, если одна на болота пойдешь! Он здесь уже многих убил и тела в топь уволок! – Адаль-

гис сделала большие глаза, явно ожидая от гостьи возгласов ужаса и удивления.

– Дай я расскажу, что ты все время рассказываешь?! – Фархильд ткнула локтем сестру, и заговорила скороговоркой, боясь, что кто-нибудь снова перехватит инициативу: – У него там, в болотах, есть тайное логово. Сначала придушит чуть—чуть, а потом и тащит. А знаешь, куда он их тащит? Прямиком к Дочерям Тьмы! Но в этот раз охотники ему помешали.

Девочки при поддержке Рауда уже изготовились посвятить онемевшую жертву во все подробности этой истории, но громкий окрик графини заставил детей вжать головы.

– Хватит! Почему я весь вечер должна выслушивать всякие ужасы и городские сплетни?

– Дети просто хотели показать, что и у нас жизнь не стоит на месте и полна самыми невероятными событиями, – ни на кого не глядя пробормотала тетушка Ута.

Графиня бросила в ее сторону презрительный взгляд, под туго натянутой кожей заходили желваки. Астейн поспешила понижее склониться над миской. Менее всего ей хотелось становиться невольной свидетельницей конфликтов, корни которых уходят в неведомое прошлое.

– Ересь, словно плесень, губит чистые души. Даже эти невинные головы оказались заражены ее гнилостными миазмами, – глухо проговорил жрец и поджал губы.

– Может, это оттого, что кто-то пренебрегает своими обя-

занностями и не столь ревностно служит Предвечному Свету, как следовало бы? – Конрад проговорил это чуть слышно и подчеркнуто равнодушно.

Кому бы эта фраза не была адресована – реакции на нее не последовало.

– Я потом все расскажу, – выдохнула Урсула, поднеся бокал к губам.

Трапеза только начиналась, а потому вскоре последовала вторая порция вопросов, один из которых, впервые за вечер, задал граф.

– Милое дитя, – высокопарное вступление заставило Астейн в очередной раз поперхнуться переперченным вином, – как же тебе удалось совершить столь долгий и полный опасностей путь в одиночестве?

– Отчего же в одиночестве? – охотно отвечала она. – До Норхейма мне помогли добраться хutoryяне, что живут неподалеку от обители, а потом шла я в компании добрых купцов.

– Нордеры? – в голосе графа впервые прозвучал интерес. – И как же их звали? Куда они направлялись?

– Старшего звали Рагнар, сын Свана. С дальним родичем своим, Бьёрном, возглавлял он небольшую группу торговцев. Знаю, что были с ними мастера-ювелиры. Ехали в Ансгахалл, насколько я поняла, но прежде намеревались сделать немалый крюк и заехать в Бронгард. А здесь у них дела какие-то.

– Мы знаем этого Рагнара, сына Свана, – оживилась Ингерн. – Они с Бьёрном каждый год по осени сюда заезжают. Красивые у них бывают побрякушки – хоть какая-то радость в нашем захолустье. Помните, посвященный, в прошлом году?

– Как не помнить! – Скулы жреца окрасились пурпуром. – Купцы они хорошие, честные и товар у них интересный.

– Купцы! – хмыкнул граф Эрхард. – Все они теперь шпионы Лиса. В наше время честные купцы перевелись. На севере слышали, что ваши южные родичи заключили с лесными эльфами союз? С тех пор мы к Великой Битве на шаг ближе стали. Южные нордеры осмелели, всю торговлю здесь теперь держат. Вот уже два года, как контроля вовсе не стало: дикие эльфы всех верных слуг имперских погнали. Магистр Волгран так из Брогенхейма бежал, что пятки сверкали. Они же там храм Предвечного Света сожгли! А маркграф, одно слово трус, окольными путями, через северные рубежи, крался. На одну ночь здесь задержался и дальше поскакал. За что и поплатился. Эти твари лесные все про нас знают, а мы даже не догадываемся где их столица! А скажи-ка мне, Астейн, не было ли с ними еще кого? Может, заметила что-то, услышала?

Вновь вспомнив в тот миг Ульвейна Вороново Крыло, девушка устыдилась вспыхнувшего жара и поняла, что заливается румянцем. Что сотворит граф с племянницей, узнав, что та одному из этих лесных бандитов отдала свою любовь?

– Оставь Астейн в покое, она не шпионка тебе! – Ингерн бросила на мужа недобрый взгляд из-под тяжелых полуопущенных век. – Девочка и без того много пережила. Ей не до политики сейчас. Нас здесь не слишком жалуют, Астейн, вот твоему дяде повсюду враги и мерещатся.

– Нет, нет, тетушка, – поспешила та не допустить семейную ссору по такому ничтожному поводу, – мне вовсе не сложно. Ехало с ними с полдюжины вооруженных людей да пара ремесленников не то с сыновьями, не то с подмастерами. Был с ними еще один купец – Ислейв, сын Торварда.

Не зная, что еще сказать, она умолкла и в некоторой растерянности вглядывалась в окаменевшее лицо дядюшки, ожидая новых вопросов. Граф Эрхард молчал. Взгляд его сделался пугающе пустым. Не будучи уверена, что он услышал сказанное, Астейн уже хотела все повторить, но неожиданно хриплый и глухой голос заставил ее похолодеть:

– А как выглядел этот сын Торварда?

Столь явный интерес к молодому купцу удивил не только ее: все оторвались от еды и посмотрели на графа. За столом воцарилась тревожная тишина.

– Высокий, – голос предательски дрогнул и пресекся. – Светловолосый. Глаза светло-карие. Не знаю, дядюшка, что добавить.

– Хорошо, Астейн. Полагаю, всем нам пора заканчивать трапезу. За окнами уж ночь давно, нечего зря свечи жечь. Да и день завтра длинный.

Вздохнув про себя с облегчением, Астейн наивно понадеялась, что расспросы на этом прекратятся. Увы, последний вопрос нагнал ее, и словно стрела, пригвоздил к табурету, заставив покрыться мерзким липким потом. То была Ингерн, спросившая о том, чего изгнанница так боялась:

– Астейн, а как случилось, что ты оказалась в обители? Мне казалось, Ингвальд не из тех, кто позволит уйти дочери в монастырь. К тому же Предвечный Свет еще не озарил земли северных нордеров. Ведь тебе наверняка должен был он подобрать достойную партию, чтобы пополнить амбары и расширить границы своих и без того немалых земель. Да и вообще, он закоренелый грешник. Он даже Хозяйке Леса жертв не приносит!

Не известно, какой ответ предполагала услышать графиня, но один заготовленный у Астейн все же был – не зря репетировала его всю дорогу от Норхейма.

– Партия была, – отвечала девушка чересчур поспешно и бойко, – но мы с батюшкой договорились, что если с суженым что-нибудь случится, то он не станет препятствовать моему уходу в обитель.

– И случилось? – охнула Ута Ренсбургская.

– Случилось. Погиб он от орочьей стрелы, после чего отправилась я в земли Хенделана, где и приняла Предвечный Свет и заступничество Всеблагой Девы-Матери.

– Бедное дитя! – запричитала милая старушка. – Так мало прожила и столько испытала!

Ужин поспешили завершить, но Ингерн в отличие от старушки Уты, поверила племяннице не вполне. Вопросов, правда, больше не задавала.

За мутными зеленовато-дымчатыми стеклами догорал закат. Замок погружался во мрак. Слуги разносили дурно пахнущие свечи и выгребали уголь из очага. Старательно они рассыпали его по железным корзинам, предназначенным для обогрева удаленных углов зала и прочих помещений. Астейн поселили вместе с Урсулой, тетушкой Утой и девочками в «женской» комнате выше этажом.

Помещение оказалось небольшим, что для холодного замка было скорее характеристикой положительной. Здесь располагались две тяжелые резные кровати – одна узкая для Уты Ренсбургской. Вторая же – непомерно широкая, занимавшая всю середину комнаты, предназначалась для остальных девиц графской семьи. Кроме этих предметов мебели сюда втиснулась еще пара кованых сундуков да колченогий табурет. На плоской крышке одного из сундуков, что прижимался к кровати Уты, покоились толстые фолианты, в одном из которых Астейн признала «Золотые Речения», хорошо знакомые по обители. Блеклые гобелены скрывали каменную кладку и придавали спальне подобие уюта. Астейн растерянно огляделась и, наконец, решила спросить Урсулу об отхожем месте – последний раз ей довелось справлять нужду еще в дороге, а пользоваться тем сосудом, что зазывно блестел медным боком из-под кровати, совсем не хотелось.

К тому же, с лестницы уже доносились звонкие голоса близняшек.

– Я как раз хотела тебе предложить. Пошли, – весело ответила Урсула.

Девушки укутались в шерстяные накидки и выскользнули из темной комнаты. Узкая винтовая лестница привела их на крытую деревянную галерею, опоясывавшую верхний этаж башни.

В первый же миг Астейн осознала, как ей не хватало свежего воздуха. Теперь же, вдыхая его полной грудью, она словно бы очищалась от запаха гари, пота, сырой соломы, прогорклого масла и свечей из жира коровьих почек.

– Астейн, ты что там застряла? – привел ее в чувства голос сестры.

– Иду, но почему наверх? Еще перед ужином, во дворе, мой нос ощутил характерный для отхожего места запах, но шел он от небольшой деревянной башни, что была по правую руку от меня. Если я все правильно поняла, то идти мы должны вниз, чтобы попасть туда.

– Что ты! – Заливистый смех Урсулы прорезал вечернюю тишину. – Туда только прислуга ходит, да и то осторожно. Три года назад там провалился пол, и повар захлебнулся в нечистотах! Вот отец переживал – повар-то из самого Ансгахалла выписан был.

Холодок пробежал по спине: в гостеприимном замке гостя поджидают не меньшие опасности, чем в лесу, а возможно

и много большие.

Шаткая деревянная галерея вывела девушек на внешнюю стену, где вскоре взору предстал крохотный домик без пола под односкатной крышей, нависавший надо рвом. Это и оказалось искомое место. Посмотрев на зубчатую стену, теряющуюся в сумраке подступающей ночи, Астейн заметила еще несколько таких «домиков».

Недоуменный взгляд кузины заставил Урсулу в очередной раз рассмеяться:

– Отец так гордиться этим! Не бойся, иди.

Справляя нужду, Астейн представляла штурм замка, злобно вопящих под стенами гоблинов и страдающих животом обитателей Рогельтена. Каково же должно быть удивление штурмующих, когда... Впрочем, она быстро взяла себя в руки и обуздала разбушевавшуюся фантазию.

Зябко кутаясь в накидки, они еще какое-то время стояли на стене. Дочь Ингвальда мучительно вглядывалась в ночной мрак, сама не понимая, что именно желая разглядеть. Где—то вдалеке тоскливо завывала собака, а над лесом вдруг поднялась стая ворон, разрезая ночь испуганным карканьем. На черном бархатном небе еще кроваво алел след заката, а бледные лики двух лун – Ночных Стражей – едва проглядывали сквозь мохнатые тучи.

– Ты знаешь, – вдруг едва слышно заговорила Урсула, – отец ведь не зря про тот проклятый год вспомнил. Это просто ужас был. Маркграф Дитрих тогда в замок влетел

весь в пыли, бледный как смерть. Переночевал со своими людьми, коней сменил, и дальше поскакал, а мы здесь остались. Матушка тогда так отца просила следом ехать, а он ни в какую. Говорит ей: «Если сейчас побежим – все потеряем. Хочешь – езжай. Коня дам, а вот люди мне и здесь пригодятся». Может, он тогда и прав был: Дитрих-то в немилость впал и всего лишился. А ведь сюда никто так и не пришел – ни дикие эльфы, ни южные нордеры, ни гоблины из Серых Топей. Но страху мы натерпелись. Говорят, на отдаленных хуторах, за болотами, видели вооруженных людей, но кто это был – эльфы или просто разбойники, так никто и не узнал. Предвечный Свет уберег. Вот только матушка отца так и не простила за пережитый ужас. Затаила обиду. Они сейчас едва разговаривают. А отец, между прочим, и без того почти все потерял. У него же торговля в Норхейме была. Как нордеры город захватили, так у него все и сгнуло. Матушка, по-моему, злорадствовала.

Она замолчала. словно судорога свела прекрасные черты. В серебряном свете лун, на краткий миг выглянувших из— за туч, ее лицо показалось Астейн угловатым, словно грубо вытесанным из серой каменной глыбы. Перехватив встревоженный взгляд, Урсула быстро отвернулась.

– Что ты хочешь мне сказать? – Осторожно, самыми кончиками пальцев, Астейн прикоснулась к напряженному плечу сестры.

– О чем ты?

– Тебя что—то мучает, да и сестрички твои что-то за ужином рассказать хотели, да тетушка не дала. И вовсе не дикие эльфы или южные нордеры тебя пугают.

– У тебя, Астейн, лоб широкий как у мужчины, и ума много. И думается мне, что ум этот до добра тебя не доведет, особенно в наших краях. Должна ты денно и ночью просить Деву-Мать этого богатства поубавить.

– Вот завтра и начну просить, а пока Всеблагая на мои просьбы не откликнулась, давай рассказывай, что тут у вас еще стряслось.

Из-за скрытого ночной мглой леса сырой ветер принес долгие раскаты колокола. Урсула задумчиво посмотрела на не вмеру пронизательную родственницу.

– Только что ты услышала ответ на свой вопрос.

– Что я услышала? Храмовый колокол?

– Это не храмовый колокол. По крайней мере, не городского собора Унторфа. Тебя даже не смущает, что колокол звонит в столь неурочный час? С какой стороны находится Унторф?

– Он позади нас, по другую сторону замка. – Только теперь Астейн поняла, что колокольный звон доносится вовсе не оттуда. – Но что в этом удивительного? Просто там, за лесом иное поселение и храм.

– Нет там ничего. Лес и болота. А за болотами – опять болота. А за ними – Серые Топи с гоблинами. А уж гоблины, поверь, храмов не строят.

– Продолжай, милая. Еще пара загадок и мы доберемся до сути!

Урсула вновь замолчала, потом набрала в грудь воздуха, словно нырять собралась, и заговорила:

– Только не подумай, что я не рада тебе.

– Даже мысли такой не было – синяки от твоих жарких объятий будут еще неделю сходить. Какие уж тут сомненья!

– Вскоре ты много услышишь такого, что, по мнению матери, не предназначено для посторонних ушей. Даже мне не все известно. Земля эта проклята, и не видел свет проклятий столь страшных. Матушка тебе постарается новую обитель быстро подобрать – нашу семью при дворе Форгейн хорошо знают, с такой ерундой без труда помогут. Хотя я на твоём месте вообще домой бы вернулась. Ходит в наших краях легенда о существе с болот, что служит великому Предвечному Злу. Задолго до того, как был построен замок, где-то в этих лесах, почти в самом сердце болот одна знатная женщина основала сестринскую общину. Говорят, будто монахини по ее наущению продали душу Предвечному Злу и заманивали в монастырь местных детей. Многих тогда сгубили. Жители Унторфа монахинь казнили, но настоятельница умирая, прокляла город и все окрестные земли. За совершенные злодеяния и верную службу Предвечное Зло призвало ее в Лабиринт Тьмы, где и стала она одной из Дочерей. Теперь же, когда Лабиринт с каждым днем все ближе и Великая Битва не за горами, она вернулась, обрета

новую плоть. Та черная душа, что найдет дорогу к проклятой обители, обратиться нахцерером и станет служить ей, заманивая людей на болота. Будто бы принимает он облик не то девочки, не то маленькой женщины, что приходит из самого сердца топи и просит девушек поиграть с ней, и если какая откликается, то берет ее за руку и с собой на болота уводит. И никто больше ту девушку не видит. Я не знаю подробностей легенды, но Ута знает наверняка. Она пыталась рассказать мне, но мама не позволяет. Ута болтлива от природы и тайны хранить не умеет, даже хотела материнский запрет нарушить, но как только заговаривала об этом – тут же появлялась Айне. Будь осторожна с этой девицей – она все доносит матери и обладает одним отвратительным умением: ходит совершенно бесшумно.

– Ты сама веришь в это проклятье?

– Да как тебе сказать... Может, это и сказки, да вот только одна беда – девушки и правда на болоте пропадали. А два дня назад неподалеку, на границе болот, одну нашли. Ту самую Мэйв, нашу служанку, про которую тебе сказать пытались.

– И что с ней было?

– Вроде как ей шею свернули, да только из отца и слова не выдавишь. Он труп так быстро плащом накрыл, что Рауд едва успел его разглядеть.

– И ты полагаешь, что эта смерть связана с той жуткой девочкой? Это как-то не очень вписывается во всю исто-

рию: если существо в облике ребенка или женщины уводит несчастных в сердце топи, то вы никого не смогли бы обнаружить.

Здесь Урсула вынуждена была согласиться: тело девушки действительно никуда не исчезло. Прочие жертвы нахцерера пропадали бесследно. Никто их тел не находил. А это лежало на плоском валуне, будто напоказ выставлено. Тетушка Ута предположила, что появление отца и братьев спугнуло нахцерера. В городе про это существо разное рассказывают. Будто лежит он в могиле и жуёт собственные руки да одежду, в которой похоронен, а потом восстает из могилы по зову проклятых монахинь, до сих пор алчущих крови. Иные же шепчутся, будто есть на болотах заброшенный хутор. Вот там он и обретается, пока монахини его не позовут и новую жертву не укажут. Есть и такие, кто будто бы видел, что рыскает он в ночной час не один, а в сопровождении женщины, что умерла при родах. Сама она уж давно мертва и подчиняется воле кровавого дитя.

От всех этих рассказов Астейн затошнило, в то время как глаза Урсуды с каждым словом все более разгорались.

– И много пропало?

– Из города – пятеро за три года, а сколько с дальних хуторов – не знаю. Возможно, я схожу с ума, но часто ощущаю на себе взгляд. Холод бежит по спине. Оборачиваюсь – и никого не вижу. Вот и сейчас говорю с тобой, а чувствую, будто из леса смотрят на нас. – Урсула зябко повела плечами. –

Пойдем. Не хочу больше здесь стоять.

Бросив последний взгляд на черную громаду леса, Астейн последовала за сестрой. Оснований не верить в эти рассказы не было: бабушка Хервёр приучила внучку к мысли, что мир населен существами самыми невероятными. А кое-кого из служителей зла она и сама видела. Урсула должна была заразить ее своим страхом, но вместо этого породила любопытство, в котором и себе самой-то признаться стыдно.

К тому времени, как девушки улеглись, девочки и Ута Ренсбургская уже мирно спали. По комнате растекался храп старушки, который, впрочем, не помешал заснуть – едва голова коснулась подушки, как сон заключил уставшую Астейн в нежные объятия.

* * *

Проснулась она от детского плача, и плач этот доносился вовсе не с кровати. Обхватив колени, в углу между сундуком и стеной раскачивалась Адальгис. Глаза ее невидяще смотрели во мрак комнаты, а с дрожащих губ срывался прерывистый шепот:

– Она здесь... Она пришла...

Астейн уже хотела подняться, когда дурной запах, показавшийся смутно знакомым, проник в ноздри. Что-то черное пробуждал он в душе, заставляя рот наполняться сладковатой слюной, а слезы наворачиваться на глаза. В плотном, душном и сыром мраке комнаты застыла высокая фигура в бесформенном балахоне. Вдруг Астейн поняла, что это

за вонь, и холодная волна страха затопила сознание, парализовав тело – она распознала дух горящей человеческой плоти. Фигура склонилась над испуганной девушкой. Сквозь серый сумрак оказалось возможно разглядеть правильные черты лица: это женщина, и насколько можно было судить в темноте, весьма привлекательная.

– Надо же, Слышащая! – Незнакомка в удивлении воззрилась на полумертвого от страха ребенка. – Сколько даров одной семье! С малышкой я потом разберусь, а сейчас меня ты интересуешь, Астейн, дочь Ингвальда. Как же долго я тебя ждала! – Только сейчас Астейн поняла, что женщина говорила, не размыкая губ, но голос ее хрипловато-обволакивающий тихой песней журчал в голове. – Не совсем то, чего я ждала, не совсем... На лицо не красавица. Да и фигурой не вышла. Хотя что-то в тебе все же есть... аппетитное. Впрочем, таланты твои куда важнее моих желаний.

Она склонилась еще ниже, и обжигающе холодный грешный поцелуй запечатал разверстые в немом крике уста. Язык женщины ворвался в рот Астейн, коснулся нёба, и будто сплелся с ее собственным языком. Стыдная сладость разлилась в тот миг по всему телу, заставив сердце на мгновение замереть в неземном блаженстве. Никогда ранее Астейн не доводилось целоваться с женщиной. Много времени после этих событий провела она в покаянных молитвах, но так и не смогла решить, что же лучше – твердая уверенность и горячая упругость мужских губ или мягкая податливость

и медовая шелковистость женских. Тонкие до прозрачности пальцы гостьи сжали набухший под льном рубахи сосок.

Внезапно незнакомка отпрянула. Обернулась вихрем пылинок и растаяла в ночи, оставив после себя злобное дрожащее шипение.

Тот, кто спугнул ее стоял на пороге. Астейн различала лишь силуэт. Разглядеть кто это, мужчина или женщина, она не могла. В «женской комнате» в ночи посторонних быть не должно – здесь же настоящее паломничество! Крадущаяся походка нового незваного гостя выдавала его дурные намерения. Ни с кем более целоваться девушке не хотелось. Уж тем более не хотелось, чтобы ее снова щипали за соски. Следующая мысль, удивительно ясная, повергла в еще больший ужас: отчего она решила, что это вообще человек? Сердце подскочило к горлу, да там и замерло. Пока взмогшая девушка пыталась вернуть самообладание, существо выскользнуло из комнаты. Всеблагая Дева-Мать спала в ту ночь и не хранила дочь Ингвальда – разум покинул ее, потому как ни одна слабосильная девица в здравом уме не отбросила бы одеяло, и не последовала бы за ускользающей тенью.

Несложно догадаться, что именно так Астейн и поступила.

Неслышно ступая по холодным каменными плитам, две безумные тени скользили по ночному Рогельтену, растворяясь в плотных клубах тумана. Почему ворота замка оказались открыты, а привратника она и вовсе не заметила,

осталось загадкой, но отчего-то совсем не возмутило. Лишь громоподобный храп из привратницкой свидетельствовал о присутствии поблизости людей.

Предпочитая думать, что преследует все же человека, а не нахцера, Астейн до боли сжимала костяную рукоять кинжала, уже однажды спасшего ей жизнь.

Неслышный зов вывел полусонную, лишённую разума девицу в места странные и загадочные. Земля стала сырой и упругой, и ноги ступали уже не по усыпанным сосновыми иглами лесным тропам, но по топким болотам, где каждый шаг в ночной мгле мог стать последним. Продираясь сквозь сырой туман, стопами ощущая холод жидкой грязи, шла она все дальше в самое сердце топи, едва угадывая впереди спину незнакомца. Запах тлена влажными щупальцами лез в ноздри и перехватывал горло. Неведомые болотные создания извивались чешуйчатыми кольцами на каждой кочке.

Туман расступился. Прозрачный свет скучающих лун холодным молоком залил черную топь, и перед Астейн предстал заброшенный хутор. Полусгнившие строения сиротливо лепились к самой кромке болота. Они почернели от сырости, поросли мхом да упрямыми выющимися растениями. Окна длинного, в прошлом жилого дома смотрели слепой чернотой, словно глазницы черепа. И хотелось остановиться, но ноги сами вели к покосившейся двери, а руки, дрожащие и непослушные, уже отворяли её.

Едва глаз по привычке к сумраку, с ужасом разглядела она

привязанную к столбу девушку. Кровавые пятна бурой плесенью расплывались на некогда белом льне нательной рубахи. Силилась Астейн рассмотреть лицо, сокрытое под спутанными, мокрыми не то от пота, не то от крови волосами, тянула руки развязать путы. Все усилия оказались тщетными. Мир словно замер в болезненной неподвижности. Лишь в углу копошилось что-то маленькое, но нестерпимо ужасное. Такое, что и видеть не хотелось. И послышался оттуда, из темного угла, голос детский, нежный: «Ты пришла поиграть со мной? Ты похожа на мою маму. Хочешь, я спою тебе песенку?». Тоненький детский голосок серебряной нитью сшивал гнилой болотный мрак:

«Дети, засыпайте! Кто еще не спит?

Черная монахиня к нам с болот спешит!

Черная монахиня подбежит к окну,

Запоет-заплачет – загасит свечу.

Черная монахиня в темный дом войдет...»

Из записок Аделины Отшельницы

«Помню, как истошный вопль заставил меня подскокнуть в постели. Мокрая от пота, смотрела я на рыдающую Адальгис и пробуждающихся в испуге прочих родственников. Неужели то был сон, всего лишь сон, объятия которого оказались на поверку не слишком нежными? Нет, маленькая Адальгис что-то почувствовала, ощутила присутствие Зла в комнате и теперь никак не могла успокоиться. Странная незнакомка назвала ее «Слышащей», и это слово не давало покоя: насколько близко несчастное дитя оказалось к незримой границе Тьмы?»

Тетушка Ута суетилась рядом с плачущим навзрыд ребенком. Урсула поспешно наливала воду из высокого глиняного кувшина, а Фархильд смотрела в испуге на сестру.

Уже в следующее мгновение я едва успела перехватить рвущийся из груди вопль – ноги оказались холодными и мокрыми, а по простыне катались комочки болотной грязи. Значит все это было правдой, включая безумный визит на болота!

Увиденный ужас успел оставить в душе ядовитый след, заставляя желудок сжиматься в томительном предчувствии беды.

Странное дело, но более всего беспокоило меня не состояние Адальгис, и не незваные ночные гости, а то, что, что

конец песенки так и остался неведом».

Глава V

Платья и саваны

Обитатели замка пробуждаются с первыми лучами солнца, и, вознося хвалу Предвечному Свету и Всеблагодой Деве-Матери, принимаются за труды праведные. Ранее других, еще затемно, просыпаются истопники – самые уважаемые из замковой челяди. Потом приходит черед повара да поварают, а там уж и все прочие с великим усердием приступают к исполнению ежедневных многотрудных обязанностей.

Утренняя жизнь гостеприимного Рогельтена осталась Астейн тогда неведома, ибо животворный сон раскрыл прозрачные ворота слишком поздно. В момент пробуждения определить хотя бы приблизительно время суток возможным не представлялось: затянутое кожей и плотно заткнутое для тепла мхом меленькое узкое оконце света не пропускало.

Открыв глаза, она не сразу осознала, где находится. Осознав же, вознамерилась подняться, но была остановлена звонким голосом:

– Вы уже проснулись! – Румяная Гертруд заботливо, но решительно затолкала гостью назад, на широкое ложе. – Госпожа Урсула велела вас не будить, пока сами не проснетесь. В дороге вы потеряли много сил. Считайте, что вы больны, а сон, как известно, лучший лекарь. Сейчас позову гос-

пожу: она ждет не дожидается вас завтраком кормить.

– Гертруд, это вовсе не обязательно, – голос «больной» звучал медленно и лениво. – Я сама вполне могу с этим справиться.

Слова тягучими каплями упали в пустоту – Гертруд уже успела раствориться в сумраке коридора. Чрезмерная озабоченность родственников ее состоянием не вызывала в душе великого ликования, но все же, с участью своей вполне смирившись, Астейн натянула одеяло до самого подбородка и приказала телу расслабиться.

Урсула мятежным вихрем ворвалась в комнату и радостно провозгласила, словно отвечая на не заданный вопрос, что колокол городского храма возвестил о наступлении полудня. Следом вошла Гертруд. Девушка внесла широкую плетеную корзину с хлебом, сыром и яблоками, и кувшин с водой. Астейн принялись кормить четыре ловкие заботливые руки. Все попытки напомнить, что она вовсе не больна, остались проигнорированными.

Урсула любила заботиться о людях близких и всегда первая оказывалась у постели больных братьев и сестер. Как правило, ее хлопоты не слишком помогали, но близкие безропотно сносили сестринскую заботу. Разумеется, почти что осиротевшая Астейн, оказавшаяся в ее полном распоряжении, могла рассматриваться не иначе как подарок Предвечного Света.

Урсула не стала скрывать от кузины состояние Адальгис:

девочка действительно слышала порой вещи самые необычайные. Иногда это шаги или дыхание, иногда голоса людей, которых нет рядом. Ингерн просила не распространяться об этом, справедливо полагая, что все сочтут ребенка безумным. Однако, Урсула точно знала – младшая сестра абсолютно нормальна и приходили ей звуки из иного мира не просто так. Так недавно девочка проснулась в слезах и сказала, что слышала голос незнакомой девушки, что молила о помощи, а после отбивалась от какого-то чудовища. На следующее утро все узнали об исчезновении очередной несчастной на болотах. В последнее время Адальгис все чаще слышала голоса, и приходили они из самого сердца топи, из проклятой обители. Там замышлялось великое зло. Потому таланту девочки следовало бы уделить повышенное внимание, а не прятать его, боясь дурной молвы.

Ингерн внушила младшей дочери, будто та больна и просила помалкивать о «плохих снах». Если раньше Адальгис обо всем услышанном спешила рассказать взрослым, то теперь все больше молчала, страшаясь материнского гнева.

После завтрака необходимо было решить вопрос с одеждой: то в чем несостоявшаяся монахиня сюда явилась, находилось, по мнению родственников, за гранью приличий. Произнеся молитву и заручась поддержкой Девы-Матери, Урсула и Гертруд взялись за работу.

Дело изначально показалось несложным. Увы, вскоре оно, преподнесло массу неожиданностей. Примерка старых пла-

тьев кузины лишний раз убедила Астейн в несовершенстве собственной фигуры и жестокости богов: доли и холмы не совпали с представлениями Урсулы о должном их расположении на девичьем теле. Вскоре все убедились – просто перешить имеющуюся одежду не получится. Платья придется шить. Вот тогда Урсула и заговорила про свою бывшую кормилицу, а ныне местную портниху Хельгу, к которой они обязаны всенепременно отправиться. С прялкой, ниткой и иглой дочь Эрхарда Смелого не дружила.

Это полностью совпадало с желанием Астейн – сходить в город и посмотреть храм, чья мощная башня впечатлила ее накануне. К тому же, необходимость продержаться в этом доме как можно дольше при отсутствии видимых перспектив требовала демонстрации устремлений к делам богоугодным.

Жрец-полуэльф отнесся к идее увидеть храм очень странно. В его голосе сквозило раздражение, а тонкие губы дрогнули, едва не явив на свет презрительную ухмылку, как только он слышал о планах девушек. Без меры удивленная подобным отношением к самому святому месту города со стороны служителя Предвечного Света, Астейн все же не стала задавать вопросов, сделав вид, что ничего не заметила. Урсула позже пояснила, что жрец из замка недолюбливает городского жреца и наоборот. «Борьба за души», – смеясь, пожала плечами кузина, давая понять Астейн, как мало та знает о нравах Верхних земель!

Как оказалось, граф уже уехал в город вместе с сыновья-

ми. Вряд ли графиня Ингерн отпустила бы их – девушкам из замка не пристало расхаживать без дела по городу. Внезапно полуэльф Каснар сменил гнев на милость, и сообщил, что ему необходимо в Унторф по личным надобностям, а потому он согласен сопроводить скучающих девиц. Девушка кое-как смастерили из нескольких старых платьев Урсулы нечто более и менее приличное. Потом для верности завернули Астейн еще в пару шерстяных накидок. И, наконец, отправились в недолгое, и как наивно полагали, приятное путешествие.

Если бы только Астейн догадывалась какие напасти уготовил быстролётный день, то ни за что не ступила бы за порог скудно обставленной, но зато абсолютно безопасной комнаты.

* * *

День выдался пасмурным. Рваные грязно-серые облака медленно ползли по низкому небу. Холодный ветер проникал под одежду, будто эхом отдаваясь зябкой дрожью. В сыром воздухе растекался запах сырой земли и опавших листьев. Из-за ночного дождя дороги развезло еще больше, чем накануне, а потому девушки предпочли идти по обочине, а не месить дорожную грязь.

– Вы всегда в город пешком ходите? – несколько удивилась Астейн.

– До захвата Норхейма такого не было. А когда отец потерял торговлю, все стало на перекладки – и кони, и люди, – груст-

но отозвалась Урсула.

– По нынешним временам аристократы порой похуже некоторых купцов, – добавил Каснар. – Народ здесь бедный и стоптивый – налоги почти не платит. Предвечный Свет испытывает нас.

Благо путь был близкий: гостеприимно распахнутые навстречу купцам, паломникам и хуторянам восточные ворота города проступили сквозь легкую туманную дымку, едва они начали спускаться с холма.

Миновав высокий земляной вал и двойной деревянный частокола, девицы в сопровождении жреца ступили на площадь, зажатую со всех сторон амбарами и мастерскими, где Каснар распрощался с ними, сославшись на дела и посоветовав выказывать крайнюю осторожность и долго не задерживаться. Урсула и Астейн остались без провожатого, если не считать служанку. Впрочем, бояться было особенно нечего – страх перед грозным графом и карой Предвечного Света никому не позволил бы причинить вред членам его семьи.

Унторф, рядом с которым по хозяйски расположился замок Рогельтен, сильно уступал в размерах своему старшему северному брату Норхейму. В незапамятные времена здесь мирно уживались две общины. Они медленно, но верно богатели за счет купцов, частенько проходивших из земель нордеров на юг и обратно. Постепенно, две общины слились в одну, и образовался городок – северный оплот Верхнеземья. Кто знает, как бы сложилась судьба Нордмарка, если бы

Анлауд II, правитель во всех отношениях достойный, не повел свои дружины на север. Юный король, а ему на ту пору еще и девятнадцати не исполнилось, продвинуться в глубь северных земель так и не смог, но приграничные области все же занял, а вместе с новыми территориями достался ему и шумный торговый Норхейм, некогда город свободный, не знавший королевской власти. Мудрецы поговаривали, что своим Анлауд II этот город никогда не считал, а возможно и не верил, что долго удастся удерживать его в составе королевства. По этим ли причинам, или по каким другим, но торговля в Норхейме начала хиреть. Король в те дни основал замок Рогельтен, призванный стать прочным звеном в цепи подобных крепостей вдоль беспокойных границ Верхних земель. Анлауд препоручил своему верному вассалу Эрхарду Смелому, тогда еще молодому и деятельному, наладить в Унторфе торговлю. Король надеялся, что с течением времени этот город затмит Норхейм.

Увы, надежды короля не сбылись: границу на севере удержать не удалось. Норхейм оказался во владениях южных нордеров, торговля возобновилась, а сам город вернул себе славу главного порта в северных морях. Не имея прямого выхода к морю, Унторф будто бы замер в испуге перед воскресшим соседом.

Городок, с которым более никто не связывал никаких надежд, все же удивлял путников жизнью бурной и яркой. Сразу за воротами и площадью тянулись мастерские ювели-

ров, стеклодувов, обувщиков и гребенщиков. Город был застроен добротными домами, преимущественно деревянными, но попадались и строения каменные. То и дело взгляд выхватывал постройки в два этажа – по большей части купеческие подворья, где нижний этаж бы сложен из серых валунов, а верхний – из дерева. Большинство домов окружали деревянные изгороди, скрывая от любопытных глаз жизнь хозяев. Если странник входил через восточные ворота, как это сделали девушки, то по правую руку оказывались купеческие кварталы, дворами спускавшиеся к реке, а по левую – ремесленные.

Также как в Норхейме, ноги ступали по деревянным мостовым, а не утопали в грязи. Дразнящие ароматы свежеспеченного хлеба, жареной рыбы и терпких специй легкими облачками налетали со стороны шумного рынка.

Полным грусти взглядом Астейн проводила сурово насупленных цвергов. Серdito-сосредоточенные, решительной походкой они направлялись к торговой площади. Маленькие жители подгорного мира напомнили девушке о далекой родной усадьбе.

Как нельзя более кстати Урсула отвлекла ее внимание, кивнув в сторону высоких светловолосых бледнокожих созданий в длинных серебристо-серых накидках. Их обрамленные золотыми локонами лица можно было бы назвать прекрасными, если бы не исходящая от них холодность. Оградив себя стеной надменного презрения, они пересекли

улицу и исчезли в воротах одного из постоянных дворов. То были горные эльфы, и, даже, Урсула, графская дочь, оробела при их приближении. Народ этот в последнее время находился на особом положении – Форгейн, вдовствующая королева, принадлежала их роду-племени и в жилах короля-младенца текла кровь горных эльфов. Они и раньше отличались чрезмерной горделивостью, а теперь и вовсе зазнались.

Следующая же встреча зажгла на высоких скулах Урсулы пурпурный румянец, а вот Астейн едва не лишила сознания: мимо девушек прошествовали трое прекрасно сложенных статных красавца – лесных эльфа. Их голые торсы покрывали затейливые татуировки, а длинные медные волосы были заплетены в косички. Мускулы упруго перекачивались под золотистой кожей, заставляя оживать невиданных птиц и животных. На краткий миг Астейн показалось, что в одном из них она узнала Ульвейна.

– Дикари, – прошептала Урсула, не заметив смятения кухни. – Говорят, что они и штаны-то одевают, лишь когда в город приходят. Тоже мне, любимые дети Хозяйки Леса!

Девушка попыталась произнести это возмущенно, но так и не смогла скрыть восхищения.

А над всем торговым многоголосьем возвышалась серая громада собора Святого Хранителя Дагоберта. «Словно большой неуклюжий дракон из сказок бабушки Хервёр, застрявший в маленькой пещере», – мелькнула странная мысль в голове Астейн.

Ветер усилился. По небу поползли тяжелые грозовые тучи. Они родили в душе смутное тревожное чувство. Не доходя до рынка, девушки свернули к храму, и оказались на тихой кривой улице, застроенной низенькими, крытыми дерном деревянными домами, где аромат свежего хлеба сменился запахом хлева. Некогда глухие заборы ныне прогнили и зияли дырами. В грязной канаве возились тощие дети. Беспокойство росло с каждым мгновением, но, не понимая его природу, Астейн все более злилась на себя. Нужно было отогнать беспричинные страхи и сосредоточиться на разговоре с сестрой.

Они едва сделали пару шагов вдоль по улице, когда, словно вражья стрела, их пронзил резкий, полный невыразимой злобы, визгливый голос. Урсула, заметно побледнев, схватила Астейн за руку.

Девушки резко обернулись. На углу, у самой рыночной площади стоял неопрятный старик в рваной грязной хламиде. Холодный ветер трепал длинные седые космы. Сам же он угрожающе потрясал сучковатой клюкой и что—то кричал о приближающейся Битве и Дочерях Тьмы, что уже явились из Лабиринта, но смотрел при этом в сторону замерших путниц. Взгляд его источал такую жгучую ненависть, что Астейн затошнило. Такие же грязные, страшного вида существа, более похожие на прислужников Хозяйки Обратного мира, чем на людей, окружили старика плотным кольцом. Они жадно ловили каждое его слово. Один из них, круп-

ный, на голову выше прочих, плотоядно взирал единственным глазом на Урсулу.

– Это Скиди Безумный, нигде без своей проклятой свиты не появляется. Видишь, как на меня тот одноглазый смотрит? И так всегда. Каждый раз отмыться хочется, – шепнула Урсула, на скулах которой с новой силой разгорелся лихорадочный румянец.

– Одноглазого Кривой Гест зовут, он вроде как из нордеров, – неприязненно проговорила Гертруд, предусмотрительно порекомендовав поторопиться.

Вместо того, чтобы прислушаться к умному совету, девушки каменными идолищами застыли посреди дороги.

– Говорят, что ребенком Скиди жил с родителями на одном из дальних хуторов, – медленно прошелестела Урсула, словно не слыша служанку. Девушка заворожено глядела на старика. – На них напали не то разбойники, не то гоблины. Погибла вся семья. Над мальчиком долго издевались, а потом бросили в лесу умирать. Но прежний жрец случайно нашел его, привел в город, вылечил. Думали, что Скиди навсегда останется жить при храме. Умом он все же повредился: все время убегал в лес, не возвращался по долгу, так и махнули на него рукой. Но в нем такая сила! Ты чувствуешь?

Астейн не нравились ни ее собственное странное безволие, ни затуманенные глаза сестры. Нужно было заставить себя идти дальше, но мерцающий взгляд старика словно обладал неведомой колдовской властью, не позволяя двинуть-

ся с места. Гердтруд оказалась сильнее – намеренно или случайно она ткнула Астейн острым локтем под ребра.

– Мы должны уйти. – Душа освободилась от магических оков. – Немедленно.

Вместе они взяли Урсулу под руки и вознамерились продолжить путь, но не успели сделать ни единого движения, как Скиди указал трясущимся посохом на помертвевшую графскую дочь, и прокричал:

– Ты дитя порока! Сгинет твое грязное гнездо, а проклятые души ваши вечность станут служить Дочерям Тьмы! Ждите расплаты!

Урсула тихо вскрикнула и обмякла. Только в этот момент Астейн окончательно пришла в себя, а ядовитый дурман, окутывавший сознание, рассеялся. Что может сделать этот безумец? Побежать следом и избить клюкой? Или натравить своих шавок? Страх ушел вместе с параличом. Подхватив Урсулу, девушки поспешили углубиться в спасительную тишину улочки.

Сзади слышалось постепенно стихающее улюлюканье «проклятой свиты». Астейн усмехнулась – только сыпать проклятиями он и мог. Но откуда столько ненависти в этом старике? Была ли это ненависть ко всему миру или лишь к семье Эрхарда Смелого?

Каково же было ее изумление, когда девушка в очередной раз обернулась: вся компания кралась следом в суровом молчании. Между девицами и преследователями сохраня-

лось значительное расстояние, но угроза, исходившая от них, заставила Астейн похолодеть. Девушки ускорили движение – Скиди с компанией шли не отставая. Взгляды насмешливые, злобные, презрительные, алчущие крови, казались, прожигали дыры в одежде.

– Что им надо? – голос Астейн дрогнул. – Зачем они идут за нами?

– Просто пугают, – неуверенно ответила Гертруд, оглядываясь с явной опаской.

Гертруд родилась и выросла в этих краях, и знала местные условия и людей весьма неплохо, но даже она не была в тот миг ни в чем уверена. Дорога уводила все дальше от рыночной площади. Дома производили здесь куда более приятное впечатление, чем в начале улицы. Вот только крепкие заборы и запертые ворота не оставляли надежд на спасение.

– Нужно продержаться еще немного, – в голосе Урсулы слышался неподдельный страх. – Дом Хельги и храм уже рядом. Там они не посмеют нам ничего сделать.

Девушкам нужно было тогда перейти на бег, но глупые представления о достоинстве, почитавшимся мерилom добродетели, не позволили это сделать.

Они не успели дойти ни до храма, ни до дома бывшей кормилицы.

Проходя мимо единственных в этой части улицы распахнутых настежь ворот, Астейн заметила во дворе подслеповато шутившуюся сгорбленную старуху. После девушка часто

спрашивала себя: отчего интуиция промолчала? Почему тот миг чувство опасности не возросло во сто крат?

Едва миновав ворота, они услышали приглушенный вскрик:

– Мэйв! Мэйв, девочка моя!

Астейн резко развернулась, и чуть не столкнулась с той самой, показавшейся столь безобидной, старухой. Сморщенная и дрожащая, она, как еще мгновение назад Скиди, протягивала руки к Урсуле. Бельмо покрывало ее правый глаз. Открывая беззубый, зияющий гнилой чернотой рот, старуха непереставя вопила:

– Мэйв, ты вернулась! Хвала Деве-Матери! – Ее цепкие пальцы вцепились в волосы Урсулы. – Обними же свою мать, Мэйв!

Тело девушки выгнулось, завалилось назад, улицу заполнил полный животного ужаса крик.

Сбросив оцепенение, Астейн и Гертруд начали оттащить старуху от рыдающей Урсулы, но крючковатые пальцы запутались в золотых локонах. К ним уже спешили землисто-бледные неопрятные женщины в некогда белых, а теперь буро-заскорузлых от грязи рубахах из некрашеного льна. Одна из них, болезненно худая, с водянистыми серо-голубыми глазами-улитками, тянула безумную старуху за руку, одновременно крича:

– Это не Мэйв, слышишь?! Не Мэйв это!

Странное дело, эта тощая особа не столько помогла ото-

драть безумную старуху от Урсулы, сколько мешала.

Улица наполнилась криками, рыданием, треском рвущейся одежды. Безумную удалось оторвать от Урсулы, но только вместе с прядью волос. Дикий хохот подоспевшего Скиди перекрыл вопли женщин. Вокруг смыкалось кольцо его грязных приспешников. Вонь испражнений, пота, немытого тела и гниения быстро заполнила и терзала легкие.

В девушек тыкали острыми палками, более похожими на выдранные из заборов разбухшие от влаги колья. Грязные обломанные ногти впивались в кожу. Самое же страшное – это лица: кривые, обезображенные оспой, покрытые струпьями и коростой, рваными шрамами и гнойниками, они сливались в дурном хороводе, то приближаясь, обдавая жертв удушливым смрадом, то немного отдаляясь, так, что несчастные едва успевали перевести дыхание. С абсолютной ясностью Астейн поняла – звероподобные существа хотят растерзать их. Смерть хохотала ей в лицо, не оставляя ни единого шанса вырваться из костяных объятий.

Спасение пришло с совершенно неожиданной стороны: обхватив шипящую и плюющуюся старую ведьму, женщины двинулись назад, к своему дому. Они будто сделали свое дело, а теперь спешили ретироваться. Не хотели участвовать в убийстве графской дочки? На последок тощая, одарила их взглядом, полном такой злобы, что кровь застыла в жилах. При этом ее бледные губы искривила откровенная насмешка. Женщин никто не собирался задерживать – для город-

ских нищих они не представляли никакого интереса. Это обратное движение нарушило монолитность толпы, внесло некоторую сумятицу.

Гертруд изо всех сил ударила одного из нападавших по истекающей гноем ране на плече, заставив заорать от боли и согнуться. Астейн в это же время толкнула на него пьяную нищенку, с завидным упорством царапавшую ее острым осколком глиняной миски. Упав в жирную грязь, они освободили узкий проход.

Больше не было чести и достоинства, остался только страх, и он заставлял бежать так, будто ворота Обратного мира разверзлись и по следу девушек мчатся огненные демоны.

– Это была мать Мэйв, Бергот – задыхаясь, проговорила на бегу Гертруд, помогая плачущей Урсуле, – и ее безумные тетки-приживалки. Та, худая, что смотрела на нас, Стэйну Длинная Жердь, – самая отвратительная. словно сами Дочери Тьмы послали ее на землю отравлять жизнь добрым людям. Поговаривают, она и племянницу свою со света сживала. В жизни не встречала существа столь злого и порочного. Что на них нашло? Сколько раз в город ходили, но с таким не сталкивались. Скиди старик злобный, но ни на кого доселе не нападал.

Ответов у Астейн быть не могло: менее других ей было дано понять, что здесь происходит. Но глубину любви к семейству дядюшки она оценила в полной мере. Они добежали

до конца улицы, когда осознали, что их никто не преследует.

– Куда мы сейчас? Может, стоит вернуться?

– Пойдемте к матушке Хельге. – Гертруд кивнула куда-то в сторону высящейся храмовой башни. – Мы уже почти дошли. Назад идти слишком опасно. Вы ведь не станете возвращать, госпожа?

– Да, это будет разумно. – Урсула удивительно быстро взяла себя в руки. – Мы туда и направлялись, не станем менять планы. Храм там почти напротив, ты и сама туда сходишь, а мы с Гердтруд переведем дыхание. Мы же хотели тебе платья шить, а теперь, похоже, нам всем это не помешает.

Одежда Урсулы и правда представляла собой зрелище печальное – агрессия нищих была направлена именно на нее, потому и досталось ей куда больше остальных. Жизнелюбие дочери Эрхарда восхищало всех, кто сталкивался с ней. Вот и в этот раз, едва отойдя от порога смерти, она уже готова была рассуждать о платьях.

В голове Астейн черной тенью мелькнула непонятно откуда взявшаяся мысль: возможно, страх кузины и не был столь велик, как то показалось, а грязные нищие вовсе и не собирались никого убивать? Завершить свои рассуждения она не успела – мысль запряталась в неведомых уголках сознания. Девушки вошли во двор перед жилищем кормилицы.

* * *

Дом матушки Хельги – в два этажа, нижний из которых сложен из валунов – выглядел прочным, на удивление бо-

гатым, и походил на купеческое подворье. Одна странность бросилась в глаза: длинное строение было будто бы отстроено на большую семью, но впоследствии разделено. Оно имело два входа, а прилегающий двор на две равные части делили деревянные колья.

У приземистого амбара трудились дюжие работники. Худенькая стройная девочка кормила с виду весьма довольных жизнью кур. Сытое хрюканье и сонное мычание сливались в приятную для слуха, баюкающую музыку.

Словно почувствовав их приближение, высокая статная женщина распахнула тяжелую резную дверь. Светловолосая, крепкая, Хельга, дочь Лордана, излучала ласковое тепло и силу. Она изменилась в лице, лишь заведев печальное состояние Урсулы, и, глухо вскрикнув, кинулась к девушкам. Урсула снова заплакала, и была немедленно заключена в объятия. Из гордой, пусть и слегка потрепанной красавицы, графская дочь в одно мгновение превратилась в маленькую девочку, уютно пристроившую головку на пышной груди кормилицы.

Теплый полумрак дома, напоенный запахом свежего хлеба и сушеных трав, внушал чувство покоя и уверенности. Длинные резные скамьи и окованные бронзой тяжелые лари, расставленные вдоль стен, свидетельствовали о достатке хозяев. Царил же над сундуками и ларями большой ткацкий станок, сплошь изрезанный затейливым плетеным орнаментом. Рулоны материи занимали едва ли не каждую го-

горизонтальную поверхность. Здесь совсем не ощущалось сырости, а отсутствие запаха хлева приятно удивило Астейн: девушка привыкла в усадьбе к периодическому похрюкиванию и мычанию за стеной. Мягкие, неспешные и какие-то «округлые» движения хозяйки привносили в атмосферу дома легкую хмельную сонливость.

Впрочем, обитатели дома произвели куда менее приятное впечатление: бледный и сутулый Дьярви, муж Хельги, бросил на растрепанную компанию неприязненный взгляд. Соблюдая приличия, он все же поздоровался, и запоздало попытался изобразить некое подобие радушия. Что же касается взъерошенного худого подростка лет пятнадцати, оказавшегося, сыном Хельги и Дьярви по имени Эйрик, так он и вовсе выскочил на задний двор, едва гости переступили порог.

Чем больше Астейн сталкивалась с местными жителями, тем более милым и гостеприимным казался Унторф. Люди здесь были добрыми и славными, хотя и не лишенными некоторой оригинальности. Каждый прожитый день все сильнее укреплял девушку в мысли, что в глухом лесу ей жилось бы куда спокойнее.

Дом заполнился причитаниями и всхлипываниями. Обильный поток женских слез смыл еще более ссутулившегося Дьярви. Он предусмотрительно поспешил подняться на второй этаж. Слушая жалобы Урсулы и отдавая должное терпеливой снисходительности матушки Хельги, Астейн испытала некоторую неловкость: слишком уж образ маленькой

обиженной девочки не сочетался с гордой кузиной.

Обсуждать платья сейчас явно никто не собирался, а потому вверив Урсулу заботам Хельги и Гертруд, Астейн отправилась к храму. Дом кормилицы действительно стоял почти на углу храмовой площади.

Она с опаской глянула по сторонам. Пустынная улица особого доверия не внушала. Астейн плотно замоталась в коричневую шерстяную накидку, выданную ей вместо точно такой же порванной, и побежала к серой громаде храма.

* * *

Выложенный из нетесаного камня, приземистый, простых форм, он поражал царственным величием. Стоя у западного фасада напротив тяжелых деревянных врат, окованных бронзой, она взирала на сцены Великой Битвы над входом, и холодок бежал по спине. Вот они – Белый Рыбак и Черный Рыбак, что забрасывают сети в безбрежную Реку Душ. Астейн едва не лишилась сознания, когда взгляд ее остановился на высоком худом Черном Рыбаке: она признала в нем того незнакомца на реке, что пытался завлечь ее в лодку, чужака с гниющими руками. А там, в лодке, рядом с ним, она разглядела крошечную фигурку – Мертвое Дитя, что заманивает слабых духом. Черный Рыбак тянул сеть, полную проклятых душ, а Мертвое Дитя потешалось над несчастными и обреченными. Не видя лиц проклятых, ибо скульптор, очевидно, не ставил перед собой задачи изобразить их более детально, дочь Ингвальда все же проникалась глубиной

и силой страдания. Позы, изогнутые тела, простертые в безмолвной мольбе и скрученные судорогой маленькие руки – все это не оставляло ни малейших сомнений в их страшных муках. Увы, воплощенный Предвечный Свет оставался глух к неслышным воплям несчастных: суровый и недостижимый, великий и справедливый Златой Дракон, широко раскинув крылья, смотрел прямо перед собой. Он взирал на ослабевшую девушку, заглядывая в душу, и взгляд его проникал в самые дальние и заповедные уголки трепещущего естества. Никогда ранее не доводилось ей видеть ничего столь же величественного, пугающего и одновременно прекрасного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.